Книгоиздательство
„Зеленый Лугъ".

Въ ожиданіи.

8D.7
B271

1907.

B.271

ВѢКЪ ОЖИДАНІЯ.

СБОРНИКЪ.

39 4

МОСКВА.
Типографія „Сокол“, Глинищевскій пер., д. Бахрушина.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. ВѢКЪ ОЖИДАНІЯ.
П. Кропоткина.

2. ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ противъ с.-демократовъ и с.-революціонеровъ.
В. Гайдамакова.

3. РЕАКЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.
М. Бакунина.

4. ФИЛОСОФІЯ ТЕРРОРА.
Ж. Этьевана.

I.

ВѢКЪ ОЖИДАНІЯ.

П. КРАПОТКИНЪ.

Вѣкъ ожиданія.

1789—1889.

I.

Астрономы считаютъ вѣка, какъ и цифры; для нихъ девятнадцатый вѣкъ начинается въ 1801 г., а двадцатый въ 1901. Но не такъ поступаетъ тотъ, кто наблюдаетъ человѣчество въ качествѣ историка и пытается дать себѣ отчетъ въ великихъ движеніяхъ и крупныхъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ жизни обществъ. Онъ вынужденъ считать вѣка по историческимъ событіямъ и особенно по революціямъ, которыя, разрушая въ теченіе немногихъ лѣтъ предразсудки и отжившія учрежденія, даютъ лозунгъ для послѣдующей эволюціи, продолжающейся до тѣхъ поръ, пока народныя возстанія новой революціи не нарушатъ равновѣсія и не откроютъ новой эры прогрессивнаго движенія.

Однако случилось такъ, что по различнымъ причинамъ въ теченіе пятисотъ лѣтъ вѣкъ историческій почти совпадалъ—по крайней мѣрѣ въ Европѣ—съ вѣкомъ астрономическимъ; конецъ каждаго вѣка отмѣченъ одной изъ тѣхъ великихъ революцій, которыя налагаютъ новый отпечатокъ на развитіе человѣчества. Въ 1789 г. революція вспыхнула во Франціи, вслѣдъ за революціей въ

Америкѣ; съ 1648 по 1688 г. революція происходила въ Англіи; съ 1567 по 1580г. въ Голландіи; въ концѣ пятнадцатаго вѣка въ Швейцаріи и въ концѣ четырнадцатаго въ Богеміи. Все заставляло думать, что нашъ вѣкъ не будетъ исключеніемъ изъ этого правила: астрономы не успѣютъ еще отмѣтить наступленія двадцатаго вѣка, какъ революція завершитъ двадцатый и дастъ толчокъ человѣческимъ обществамъ въ новомъ направленіи.

Дѣйствительно, періодъ, протекающій между двумя большими революціями, всегда имѣетъ рѣзко обозначенный характеръ, зависящій отъ особенностей той революціи, которою онъ начался.

Народы стараются воплотить въ своихъ учрежденіяхъ наслѣдіе, завѣщанное революціей; но такъ какъ наслѣдіе это всегда неполно и такъ какъ оно, въ свою очередь, порождаетъ злоупотребленія, то наравнѣ съ завѣщанными революціей возникаютъ еще и новыя идеи. Обновленное общество, довершая разрушеніе учрежденій прошлаго, усваиваетъ въ то же время новые предразсудки и устанавливаетъ новыя привиллегіи. Оно борется, оно дѣлаетъ попытки возстанія, попытки, большею частью мертворожденныя, какъ въ 1848 и 1871 годахъ, и тогда недовольство возрастаетъ, выливается черезъ край: новая революція дѣлается необходимой. Нужно новое утвержденіе новыхъ принциповъ.

Таковъ ходъ исторіи. Таково прошлое, таково настоящее. Такимъ образомъ, ретроспективный взглядъ на время, протекшее отъ Большой Революціи, поможетъ намъ, намъ, имѣющимъ счастье жить наканунѣ другой большой революціи, лучше понять, что намъ слѣдуетъ дѣлать при соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ, чтобы

проявить нашу волю и разрушить учрежденія, мѣшающія движенію впередъ.

Два великихъ событія характеризуютъ вѣкъ, протекшій съ 1789 г. Оба они—плодъ французской революціи, которая, продолжая дѣло революціи англійской, расширила и оживила его всѣмъ прогрессомъ, достигнутымъ Европой съ тѣхъ поръ, какъ англійская буржуазія обезглавила своего короля и передала власть въ руки парламента. Эти два великихъ событія—уничтоженіе рабства и уничтоженіе абсолютизма. Первое замѣщено теперь капиталистическимъ способомъ производства, второе—парламентаризмомъ.

Уничтоженіе рабства и уничтоженіе абсолютной власти дали индивиду личную свободу, о которой рабъ и подданный короля не смѣлъ и мечтать, но въ конечномъ счетѣ это освобожденіе личности привело къ самодержавію капитала—вотъ дѣло девятнадцатаго вѣка. Капитализму, зародившемуся во Франціи въ 1789 г., потребовалось сто лѣтъ, чтобы завоевать Европу. Но едва его волны, гонимыя съ Запада, докатились до Чернаго моря и границъ Азіи, какъ возникли новыя тендеиціи, новыя стремленія—стремленія къ соціализму, и снова уже готова вспыхнуть революція, чтобы дать удовлетвореніе жаждѣ свободы и равенства для всѣхъ.

Дѣло освобожденія, начатое французскими крестьянами въ 1789 году (или, скорѣе, въ 1788 г.) продолжалось въ Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Германіи и Австріи арміями санкюлотовъ. Къ несчастью, оно едва проникло въ Польшу и совсѣмъ не коснулось Россіи.

Европа покончила бы съ рабствомъ еще въ теченіе первой половины вѣка, если бы французская буржуазія, придя черезъ трупы анархистовъ, кордельеровъ и яко-

бинцевъ къ власти, не задержала бы революціоннаго порыва и, возстановивъ въ 1796 г. монархію, не отдала бы Францію въ руки шарлатана-императора-перваго Наполеона.

Бывшій генералъ санкюлотовъ поспѣшилъ возстановить права аристократіи. Но институтъ рабства не могъ уже болѣе оправиться отъ смертельнаго удара, нанесеннаго революціей. Рабство было уничтожено въ Италіи и Испаніи, несмотря на временное торжество реакціи. Пошатнувшееся въ Германіи съ 1811 года, оно совершенно исчезло въ 1848 г.; Россія была принуждена освободить крѣпостныхъ въ 1861 г., а война 1878 года нанесла смертельный ударъ рабству на Балканскомъ полуостровѣ.

Теперь циклъ завершенъ. Права помѣщика на личность крестьянина не существуетъ больше въ Европѣ, не существуетъ даже тамъ, гдѣ все еще не оконченъ выкупъ феодальныхъ правъ т. е. въ Россіи, которая вслѣдствіе этого въ данный моментъ находился какъ разъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилась Франція наканунѣ Большой Революціи.

Историки пренебрегаютъ этимъ фактомъ. Погруженные въ вопросы политики, они, излагая исторію девятнадцатаго вѣка, говорятъ намъ о наукѣ, о религіи, о войнахъ и проч., но обходятъ молчаніемъ уничтоженіе рабства, которое является однако существенной чертой нашего вѣка. Соперничество между націями и войны, имъ вызываемыя политика Германіи, Франціи и Италіи, которою такъ много занимаются,—все это лишь слѣдствія одного крупнаго факта: уничтоженія личнаго рабства и развитія рабства наемнаго, которое его замѣстило.

Французскій крестьянинъ, возмутившись сто лѣтъ тому назадъ противъ сеньера, заставлявшаго его бить палками по водѣ, чтобы лягушки не квакали въ пруду пока господинъ спитъ, освободилъ крестьянъ всей Европы. Сжигая документы, которыми было закрѣплено его подчиненіе, поджигая замки и казня въ теченіе четырехъ лѣтъ сеньоровъ, отказывавшихся признать его человѣческія права, онъ привелъ въ движеніе Европу, освободившуюся въ настоящее время повсюду отъ унизительнаго института рабства.

* *
*

Съ другой стороны, процессъ уничтоженія абсолютной власти также потребовалъ сто лѣтъ, чтобы совершить въ Европѣ свой циклъ. Королевская «божіею милостью» власть существуетъ теперь лишь въ Россіи и Турціи, но и тамъ она при послѣднемъ издыханіи. Даже самыя мелкія Балканскія государства имѣютъ свои парламенты: говорильни, конечно, но говорильни, позволяющія тѣмъ не менѣе, буржуазіи управлять народами такъ же, какъ раньше управляли ими короли.

Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи революція 1789 года сдѣлала свое дѣло. Государства Европы, за исключеніемъ Россіи, имѣютъ теперь представительное правленіе, и ихъ кодексы проникнуты идеей равенства гражданъ передъ закономъ. Идеи, воодушевлявшія нашихъ дѣдовъ, осуществлены. Въ теоріи законъ одинаковъ для всѣхъ, и всѣ имѣютъ право участвовать въ правленіи.

Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности! Мы знаемъ, что знаменитое «равенство передъ закономъ»—лишь пышный занавѣсъ, за ко-

торымъ скрыто все то же рабство бѣдняка и абсолютизмъ капиталиста. И мы знаемъ также цѣну закона и представительнаго правленія, при помощи которыхъ буржуазія осуществляетъ власть, отнятую у королей!

Точно также, когда намъ говорятъ о великихъ принципахъ 1789 или 1793 года,—а недавно рѣчи на эту тему лились цѣлыми потоками,—мы отвѣчаемъ, что эти принципы дали все, что они могли дать. Если свобода не существуетъ, если равенство остается мечтой, а братство звучитъ насмѣшкой, то это не потому, чтобы два основныхъ принципа революціи не получили еще своего полнаго приложенія, а потому, что они сами по себѣ недостаточны.

Другіе принципы—болѣе плодотворные чѣмъ тѣ, которые буржуазія торжественно провозгласила въ пышныхъ фразахъ своихъ Деклараціи,—были формулированы народомъ въ его революціонныхъ клубахъ 1789—93 гг. Объ этихъ принципахъ неохотно и съ отвращеніемъ упоминаютъ современные буржуа, потомки тѣхъ буржуа, которые въ 1793 г. безпощадно гильотинировали «зачинщиковъ анархіи», громогласно проповѣдовавшихъ ихъ. Но гильотина не искоренила этихъ роковыхъ для буржуазіи принциповъ. Они живутъ въ нѣдрахъ массъ: они созрѣли, облекшись плотью за эти сто лѣтъ, они наложили болѣе или менѣе отчетливо свою печать на важнѣйшія событія истекшаго вѣка и объ этихъ-то принципахъ, проклинаемыхъ буржуазіей и привѣтствуемыхъ рабочими, будемъ мы говорить. Мы прослѣдимъ, какъ зародились они какъ росли и развивались и теперь, наконецъ, готовы утвердиться открыто, среди бѣла-дня, на улицѣ, въ бурѣ революціи.

II.

Уничтоженіе рабства и абсолютизма—таково было дѣло, выполненное вѣкомъ. Но съ какою медленностью и со сколькими отступленіями назадъ! Послѣ того, какъ буржуазія достигла власти во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ она получила carte blanche на эксплуатацію рабочихъ, безъ препятствій со стороны государства и аристократіи, она поспѣшила заключить миръ съ дворянствомъ, которое она безжалостна истребляла въ 1793 году.

Она привѣтствовала императора, призваннаго остановить революціонное движеніе, которое требовало уже равенства состояній, смерти откупщиковъ и биржевыхъ спекулянтовъ и тяготѣло къ соціализму, ясно обозначившемуся въ заговорѣ Бабефа.

Позднѣе она вновь призываетъ Бурбоновъ, спѣшитъ возвратить эмигрировавшимъ дворянамъ часть ихъ земель, поддерживаетъ королевскую власть противъ народа при Карлѣ X и Луи-Филиппѣ, удерживаетъ цензовое избирательное право до тѣхъ поръ, пока авантюристъ, подъ прикрытіемъ имени Наполеона, не возстановляетъ всеобщее голосованіе для того, чтобы опереться на массы. И дважды она топила въ крови республику, провозглашенную парижскимъ народомъ.

Буржуазія до тѣхъ поръ не соглашалась на республику, пока не увѣрилась, что республика такъ же, какъ и монархія, не затронетъ ея привиллегій и будетъ бороться съ соціалистическими стремленіями, которыя народъ инстинктивно соединялъ съ представленіемъ о республикѣ какъ въ 1793 г. такъ и въ 1848 г.

Что касается до другихъ европейскихъ націй, то Германіи понадобилась революція 1848 года для того,

чтобы покончить съ рабствомъ и сдѣлать первые шаги къ конституціонному режиму. Понадобились безчисленные бунты крестьянъ въ Италіи и Россіи, чтобы тамъ исчезло личное рабство. Понадобился непрерывный рядъ возстаній, упорная борьба, вереницы мучениковъ, гекатомбы мятежниковъ, чтобы дѣло вѣка было выполнено.

И можно сказать, что минувшій вѣкъ не измѣнилъ дѣлу, завѣщанному революціей. Сеньеръ (помѣщикъ)—хозяинъ земли и крестьянъ по праву рожденія—исчезъ. Буржуазія царствуетъ въ Европѣ; и если въ Россіи прежніе владѣльцы рабовъ вновь пріобрѣли вліяніе со времени вступленія на престолъ Александра Третьяго, ихъ власть можетъ быть лишь очень непродолжительна. Въ Россіи, какъ и вездѣ, управляетъ буржуазія и самодержецъ Александръ Третій—ея первый слуга. Онъ считаетъ себя самодержавнымъ монархомъ, но онъ не смѣетъ сдѣлать ни одного шага, не спросивъ, что думаютъ объ этомъ фабриканты Москвы и финансовые тузы.

Въ Бельгіи избирательное право еще ограничено. Въ Германіи власть парламента ничтожна, въ сравненіи съ властью его во Франціи и въ Англіи. Но лишь наивные люди могутъ еще воодушевляться борьбой за всеобщее избирательное право и главенство парламента: ни всеобщее избирательное право въ Бельгіи, ни главенство парламента въ Германіи, ничего не измѣняетъ. Правительства и той и другой страны одинаково представляютъ интересы буржуазіи. Бисмаркъ былъ сильнѣе парламента потому, что начавъ свою карьеру какъ защитникъ земельной аристократіи, онъ во время перемѣнилъ фронтъ. Принявъ сторону буржуазіи противъ притязаній помѣщиковъ, онъ сталъ господиномъ положенія.

* * *

Девятнадцатый вѣкъ имѣетъ въ своемъ активѣ еще и другое завоеваніе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть. Онъ первый призналъ права національностей. И здѣсь также его дѣло близко къ завершенію.

Грецію, изнывавшая подъ игомъ турокъ, свободна. Италія, недавно еще раздѣленная на части, едина: иностранецъ не попираетъ больше ея земли. Венгрія независима. Балканскія государства не подчинены болѣе туркамъ. Остаются еще Ирландія и Польша, которыя стремятся завоевать свою независимость, Финляндія, живущая подъ постоянной угрозой каприза русскаго императора, и мелкія славянскія національности, угнетаемыя теперь Венгріей такъ же, какъ сами венгерцы были когда-то угнетаемы нѣмцами. Сербія и Болгарія являются игрушкой въ рукахъ двухъ сосѣдей—кузена австрійскаго и кузена русскаго.

Національный вопросъ можетъ показаться рабочимъ западной Европы незначущимъ. Они, къ счастью, не знаютъ, что значитъ жить подъ иностраннымъ владычествомъ, испытывать стѣсненія въ своихъ обычаяхъ, переносить оскорбленія отъ чванства такъ называемаго «господина», отъ его презрѣнія къ завоеванной расѣ. Но для тѣхъ, кто страдаетъ отъ чужеземной тиранiи, національная независимость важнѣе всего остального.

Крестьянинъ объединяется съ сеньеромъ въ общей ненависти, забывая, что его землякъ въ свою очередь будетъ такъ же жестокъ, какъ и иностранецъ, какъ только въ свою очередь сдѣлается (полноправнымъ) господиномъ. Нужды нѣтъ: онъ ненавидитъ иностранца, потому что все въ немъ: его манера говорить, ходить

обращаться съ побѣжденнымъ народомъ, отталкиваетъ его. Въ націи, подчиненной другой, задушена въ самомъ зародышѣ возможность духовной и соціальной эволюціи. Взгляните на Сербію: она не знала соціальнаго вопроса до тѣхъ поръ, пока ею управляли турки. Но едва турецкое иго свергнуто, соціальный вопросъ вдругъ возникаетъ. Попробуйте говорить о соціализмѣ ирландцу, онъ вамъ отвѣтитъ: «прогони сперва англичанъ»! Онъ ошибается; конечно, онъ ошибается; но расовая ненависть глуха къ доводамъ разума. Исторія девятнадцатаго вѣка—это длинный мартирологъ патріотовъ, стремящихся освободить народы отъ чужеземнаго ига. Мы удивляемся теперь русской молодежи, мы восторгаемся ея преданностью, мы оплакиваемъ ея страданія. Но мы знаемъ, что всѣ эти страданія блѣднѣютъ предъ тѣми, чему подвергались члены тайныхъ обществъ, «молодой Венгріи», «молодой Польши», «молодой Испаніи»?, въ особенности, въ числѣ которыхъ были и буржуа, и рабочіе, объединенные общей идеей освобожденія отечества.

* * *

Таково прошлое. Перейдемъ къ будущему.

Обширные горизонты открываются здѣсь передъ нами— горизонты, которые обѣщаютъ человѣчеству осуществленіе его высшихъ стремленій, и въ этомъ отношеніи дѣло девятнадцатаго вѣка громадно, грандіозно. Никакой другой вѣкъ не подготовилъ того, что будущая революція обѣщаетъ нашимъ преемникамъ. Мы можемъ считать себя счастливыми, что живемъ въ этомъ вѣкѣ, наканунѣ этой революціи.

III.

Реформа—всегда компромиссъ съ прошедшимъ, она довольствуется большимъ или меньшимъ его измѣненіемъ; между тѣмъ какъ революція порождаетъ руководящую идею для будущаго: какъ бы ни были малы результаты, достигнутые революціоннымъ путемъ, они служатъ залогомъ дальнѣйшаго прогресса. Реформа оглядывается назадъ, революція глядитъ впередъ и опережаетъ свой вѣкъ. Эта тенденція проходитъ черезъ всю исторію и въ особенности черезъ ея періодъ, послѣдовавшій за революціей 1789—93 годовъ.

Какъ ни буржуазна была эта революція въ смыслѣ ея результатовъ, но она посѣяла сѣмена коммунизма и анархіи въ нѣдрахъ современнаго общества. Тѣ, кто хочетъ заставить насъ вѣрить, что революція не имѣла другой цѣли, кромѣ уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ феодализма и ограниченія королевской власти, доказываютъ или свое невѣжество или недобросовѣстность. Цѣлый народъ не возстаетъ изъ-за такихъ пустяковъ: онъ не поддерживаетъ открытаго возстанія въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ единственной цѣлью уничтожить умирающія учрежденія или измѣнить правительство. Чтобы разразилась такая грандіозная революція какъ та, которая происходила въ минувшемъ вѣкѣ, нужно, чтобы цѣлый потокъ новыхъ идей проникъ въ массы, чтобы въ умахъ ея образовался новый міръ, основанный на новыхъ отношеніяхъ и новой морали.

* * *

Дѣйствительно, перечитывая сочиненія Дидро, Руссо и даже тѣхъ, кто, какъ Сійесъ и Бриссо, сдѣлались

впослѣдствіи присяжными защитниками правъ, завоеванныхъ буржуазіей, видишь, что они были пропитаны соціализмомъ, или, скорѣе, коммунизмомъ; и понимаемъ что рычагъ, поднявшій французскій народъ и давшій ему необходимую энергію для борьбы противъ заговорщиковъ внутреннихъ ивнѣшнихъ, было предвѣдѣніе коммунистическаго будущаго.

Даже самая формула: «Свобода, равенство, братство», которая не была пустымъ словомъ въ эту эпоху: за нее умирали, достаточно говоритъ о томъ, что видѣлъ французскій народъ въ Революціи.

Идеи предтечъ Революціи могли бы служить намъ программой даже и теперь. Дидро, если не въ жизни, то по меньшей мѣрѣ въ своихъ трудахъ, былъ глубоко анархиченъ. Стремленіе къ коммунизму вдохновляло Руссо въ его лучшихъ произведеніяхъ, и его громадное вліяніе на современниковъ объясняется именно обаяніемъ коммунистическихъ идей. И если, несмотря на свою блестящую критику современнаго общества, онъ кончилъ созданіемъ жалкаго идеала Швейцарской республики, зато онъ же отрицалъ право присвоенія малѣйшей пяди земли, осмѣлился заявить, что наличность правительства, каково бы оно ни было, можетъ быть оправдана лишь въ томъ случаѣ, если бы оно состояло изъ ангеловъ, т. е. изъ существъ миѳологическихъ. Не отрицалъ ли права собственности самъ Сійесъ, этотъ будущій сообщникъ буржуазіи? Не призывалъ ли къ воровству Бриссо,—въ то время, какъ цѣлая фаланга менѣе извѣстныхъ писателей пропагандировала зачатки коммунизма въ сотняхъ брошюръ.

Именно эти вѣянія коммунизма и воодушевляли массы.

* * *

Освященная временемъ легенда представляетъ 14-ое іюля, какъ бунтъ противъ королевской тиранніи. Но намъ забываютъ сказать, что 12-го іюля парижскій народъ сжегъ таможни, что 13-го іюля онъ началъ грабить богачей и что если буржуазія поспѣшила вооружиться, то она сдѣлала это столько же для защиты отъ босяковъ, сколько и для борьбы съ королемъ.

Она организовала свою милицію въ провинціальныхъ городахъ сейчасъ же послѣ взятія Бастиліи, чтобы противостоять тѣмъ, кого она называла «разбойники». — «Разбойники идутъ, вооружимся!» таковъ былъ кличъ, переходившій изъ устъ въ уста во Франціи.

Но кто же были эти разбойники, съ которыми буржуазія сражалась и которыхъ она вѣшала безъ счета? Разбойники эти были соціалисты и анархисты того времени, это были массы деревенскихъ бѣдняковъ, возставшихъ противъ своихъ помѣщиковъ, дворянъ и буржуа.

И впослѣдствіи тѣ, кого Минье въ своей исторіи называетъ а н а р х и с т а м и—какъ видимъ, словоэто старо,— были тѣмъ женародомъ, той-же массой, которая въ виду антиэгалитарныхъ (противорѣчащихъ равенству) и антикоммунистическихъ мѣропріятій Учредительнаго и Законодательнаго Собраній и Конвента возобновила жакерію въ городахъ и деревняхъ, провозгласила Коммуну, овладѣла продовольствіемъ, вѣшала ростовщиковъ, отбирала имущество у богатыхъ буржуа и поддерживала революціонное броженіе.

* * *

Они были коммунистами, наши дѣды. Конечно, ихъ идеи въ этомъ направленіи были достаточно туманны.

Они не сумѣли выяснить основныя черты коммунистическаго общества и притомъ они увлекались мѣропріятіями, по виду эгалитарными, но носящими въ себѣ зародыши будущаго неравенства.

Выросши въ рабствѣ, они провозглашая абсолютную свободу индивида, забывали, что свободныхъ людей должно объединять чувство солидарности другъ съ другомъ, а не власть съ одной и подчиненіе съ другой стороны. Идеалъ будущаго рисовался еще не вполнѣ опредѣленно, но его основное содержаніе было несомнѣнно коммунистическимъ.

Уничтожая послѣдніе слѣды феодализма, крестьяне стремились провозгласить націонализацію земли, право каждаго на ея обработку, и давали взаимную клятву обезпечить жизнь и работу для всѣхъ.

Уничтожая замкнутость цеховъ, а также и привиллегіи городовъ, рабочіе утверждали право довольства для всякаго трудящагося. Коммуна, о которой они мечтали, не находя словъ для выраженія своей мысли, была коммуна равныхъ, объединенныхъ общимъ трудомъ.

Народъ—хозяинъ земли, рабочій—хозяинъ орудій производства, и коммуна, сама организующая свой трудъ и свое потребленіе—такова была, несомнѣнно, идея, воодушевлявшая революціонеровъ 1793 г. Мысль еще смутная, слишкомъ неопредѣленная, чтобы найти реальныя формы воплощенія, но тѣмъ не менѣе могущественная. Она часто пробивается въ рѣчахъ народныхъ ораторовъ этой эпохи.

И когда пролетаріи увидѣли, какъ дѣйствительность мало походила на ихъ мечты; когда они поняли, что обмануты, они принялись за организацію тайныхъ об-

ществъ, завѣдомо коммунистическихъ, какимъ былъ, напримѣръ, «Союзъ равныхъ» Бабефа.

Но было слишкомъ поздно: послѣднее усиліе уже умиравшей революціи не могло ни къ чему привести.

* * *

Франція подпала подъ иго разбойника. Затѣмъ послѣдовалъ бѣлый терроръ, не менѣе жестокій, чѣмъ кровавые дни 1793 года. Но тѣмъ не менѣе поле было засѣяно. Большая революція завѣщала довершить свое дѣло потомству.

И спустя пятьдесять лѣтъ возродившійся коммунизмъ толкнулъ французскій народъ къ новой революціи 48-го года.

Коммунизмъ также обошелъ весь міръ. Робертъ Оуэнъ, Фурье, Сенъ-Симонъ, революціонеры 48 года, конгрессы Интернаціонала—всѣ они стремились формулировать его. Наслѣдіе революціи росло. И вѣкъ, начавшійся ею, будетъ, вѣроятно, называться въ исторіи будущаго вѣкомъ нарождающагося соціализма.

IV.

Скрытой пружиной, давшей нашимъ дѣдамъ силу противиться коалиціи внѣшнихъ и внутреннихъ заговорщиковъ, было, конечно, ихъ стремленіе къ равенству экономическихъ условій. Стремленіе къ этому идеалу можно замѣтить въ основѣ всѣхъ происходившихъ съ тѣхъ поръ движеній, и философскихъ, и народныхъ.

Идея созрѣла; она стала опредѣленнѣе; она завершилась, наконецъ найдя свое истинное выраженіе, предвидѣнное давно, но слишкомъ часто забывавшееся въ анархистическомъ коммунизмѣ.

* * *

Мы уже говорили что идеалъ мятежниковъ 1789—93 г. былъ довольно смутенъ. Крестьянинъ не хотѣлъ, чтобы у него отнимали половину его жатвы; онъ не соглашался болѣе терпѣть, чтобы какой нибудь бездѣльникъ былъ владѣльцемъ обрабатываемой имъ земли. Онъ видѣлъ, что земли, до тѣхъ поръ принадлежавшія всей коммунѣ переходили въ руки сеньоровъ и что законъ санкціонировалъ этотъ разбой,—какъ онъ санкціонируетъ его еще и теперь въ Англіи. Крестьянинъ стремился захватить всѣ земли, не спрашивая себя, какъ ихъ распредѣлитъ коммуна, когда онѣ станутъ коммунальной собственностью. Поэтому-то значительная часть ихъ и оказалась экепропріированною у сеньеровъ лишь для того, чтобы попасть въ руки буржуазныхъ черныхъ сотенъ. И въ то время, какъ сельская буржуазія обогатилась, сельскіе пролетаріи остались послѣ революціи такими же бѣдняками, какими они были и до нея.

Съ другой стороны городскіе рабочіе, возставая противъ буржуазнаго феодализма, эксплуатировавшаго ихъ, также не знали, что они поставятъ на его мѣсто. И лишь много позже, по мѣрѣ того какъ разгоралась революція, передъ ними вырисовывался смутный идеалъ коммунистической общины, обязанной заботиться о продовольствіи работниковъ, доставляя имъ работу, уничтожая неравенство состояній. Экономическое равенство сдѣлалось, девизомъ городскихъ пролетаріевъ.

Но какъ осуществить это равенство состояній?

— «Очень просто! Гильотинировать богатыхъ, а санкюлотовъ избирать въ муниципалитетъ и въ Конвентъ!» Таковъ былъ отвѣтъ, единственный отвѣтъ, который на-

родъ могъ дать въ эту эпоху. И теперь еще, спустя сто лѣтъ, встрѣчаются революціонныя якобинскія секты, мѣшающія народу изучать мѣры, которыми можно обуздать эксплуататоровъ: люди, которые хотятъ, чтобы народъ занимался только гильотинированіемъ, а они, мудрецы, ужъ позаботятся впослѣдствіи о разрѣшеніи всѣхъ экономическихъ вопросовъ.

И въ 1793 году гильотинировали. Богатые и бѣдные дворяне и плебеи, королевы, принцессы—всѣ подверга, лись оцѣнкѣ съ точки зрѣнія патріотизма. Но на мѣсто одного гильотинированнаго аристократа являлось десять буржуа, такихъ же жадныхъ, еще болѣе жадныхъ къ добычѣ, чѣмъ обезглавленный сеньоръ.

И черныя банды буржуазныхъ выскочекъ грабили Францію.

Биржевой игрой создавались богатства, передъ которыми меркли состоянія прежнихъ богачей. Тогда именно Ротшильды заложили фундаментъ ихъ будущихъ милліоновъ.

Народъ очистилъ Конвентъ и Коммуну при помощи гильотины: онъ возвеличилъ Марата и обезглавилъ Жирондистовъ. Но лишь для того, чтобы развязать руки тѣмъ, кого раньше не называли иначе, какъ «болотными жабами»: эти свирѣпые террористы превратились въ патріотовъ во времена Директоріи, въ сенаторовъ при Бонапартѣ и до сихъ поръ еще управляютъ нами подъ различными наименованіями: то оппортюнистовъ, то либераловъ, то радикаловъ.

* * *

Послѣ того какъ революція была одурачена, затѣмъ побѣждена, послѣ тріумфа реакціи и кровавыхъ репрес-

салій бѣлаго террора, принялись за изученіе проблемы, завѣщанной Революціей девятнадцатому вѣку.

«Равенство экономическихъ условій»—таковъ былъ завѣтъ умирающей Революціи. И повинуясь народному инстинкту, стремившемуся осуществить этотъ завѣтъ, дѣятели трехъ послѣдующихъ поколѣній: Фурье, Робертъ Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Кабэ и многіе другіе—въ своихъ изысканіяхъ не сдѣлали ничего иного, какъ только формулировали неясныя идеи, бродившія въ ушахъ французовъ и англичанъ того времени. Они ничего не изобрѣли, точно такъ же, какъ и анархическіе мыслители нашихъ дней не изобрѣли теорій, развиваемыхъ нами теперь. Они старались лишь выразить идею, жившую въ народномъ сознаніи.

Основная идея, руководившая ими, была такова: «Революція, конечно, улучшила положеніе большинства. Однако она создала условія, которыя неизбѣжно опять привели къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ..

Съ изобрѣтеніемъ паровой машины человѣчество вступило въ новую эру. Это изобрѣтеніе предоставило къ его услугамъ милліоны желѣзныхъ работниковъ, и создало возможность въ сотни разъ увеличить производство, необходимыхъ для жизни продуктовъ.

«Но положеніе, созданное революціей, позволяетъ однимъ только буржуа извлекать пользу изъ колоссальнаго развитія техники. Почему?

«Потому, что земля остается въ рукахъ немногихъ вмѣсто того, чтобы принадлежать всѣмъ. Потому, что работникъ не можетъ не продавать своихъ трудовъ. Потому, что рабочій трудится на хозяина, а не на все общество.

«Нужно, слѣдовательно, сдѣлать трудъ общественнымъ. А это будетъ возможно лишь тогда, когда общество сдѣлается коммунистическимъ. Работа сообща, для общей цѣли, будетъ гарантировать существованіе каждаго, позволитъ использовать техническій прогрессъ въ интересахъ всѣхъ и увеличитъ въ сотни разъ нашу производительность при гораздо меньшей, чѣмъ теперь, затратѣ силъ.

«Безъ этого можно сколько угодно гильотинировать, можно сколько угодно лишать собственности: пока земля и орудія производства будутъ лишь переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія, эксплуатація человѣка человѣкомъ будетъ господствовать по-прежнему».

Такова была исходная точка всѣхъ коммунистическихъ школъ въ первой половинѣ этого вѣка.

Но какъ организовать коммунизмъ? Какъ упрочить его, если бы удалось его осуществить? Вотъ вопросы, вставшіе передъ каждымъ изъ упомянутыхъ мыслителей, и каждый разрѣшалъ ихъ посвоему.

V.

Вся исторія человѣчества есть исторія непрерывной борьбы между массами, желающими организоваться на принципахъ братства, равенства и свободы, и меньшинствомъ, стремящимся создать для себя на счетъ труда другихъ праздную и пріятную жизнь. Цивилизаціи создавались и разрушались, имперіи возникали и исчезали, войны обагряли міръ кровью—и основной причиной всѣхъ историческихъ фактовъ и коллизій всегда была борьба между управляемымъ большинствомъ и правящимъ меньшинствомъ.

Эта борьба въ различныя эпохи принимала различный характеръ въ зависимости отъ мѣста и времени. Такъ въ античномъ мірѣ греки и римляне стараются создать свое благосостояніе путемъ порабощенія другихъ національностей.

Позже, подъ вліяніемъ новой морали буддизма и христіанства, народы начинаютъ стремиться къ равенству. Затѣмъ, возвращаясь опять къ идеалу Греціи, городское населеніе старается создать жизнь на началахъ свободы и равенства въ предѣлахъ укрѣпленныхъ средневѣковыхъ коммунъ, что ему до извѣстной степени и удается. Но эти зачатки свободныхъ организацій не распространялись за стѣны городовъ; они были одинокими оазисами среди порабощенныхъ деревень, и свободныя средневѣковыя коммуны пали.

Тогда массы бросились въ объятія церкви, господствующей и всемірной. Церковь вѣдь проповѣдовала братство и равенство, почему бы не признать ея духовнаго и свѣтскаго авторитета? Но церковь обманула довѣріе бѣдныхъ: она воспользовалась имъ, чтобы въ свою очередь сдѣлаться худшимъ изъ эксплоататоровъ. Тогда послѣ пятнадцати вѣковъ исповѣданія ортодоксальнаго христіанства, массы двинулись къ своему освобожденію во имя христіанства реформированнаго: «Долой римское духовенство! Пусть каждый: пастухъ, неграмотный рабочій, даже дитя, толкуетъ библію, какъ онъ ее понимаетъ, и они истолкуютъ ее въ коммунистическомъ смыслѣ!» «Долой законы!» проповѣдовали анабаптисты, анархисты того времени, вынесшіе на себѣ всю тяжесть революціи. «Долой законы! Пусть совѣсть каждаго человѣка будетъ верховнымъ судьей въ коммунистическомъ обществѣ». И вотъ на протяженіи бо-

лѣе чѣмъ ста лѣтъ Европа охвачена пламенемъ: крестьянинъ, горожанинъ освобождаются и пытаются устроить сельскія и городскія коммуны. Но они раздавлены союзомъ буржуазіи и князей, и отъ нихъ осталась лишь реформированная церковь, протестантское духовенство, такъ же жаждущее золота и власти, какъ и римское духовенство, да нѣсколько моравскихъ общинъ, которыя, впослѣдствіи эмигрировавши, стали эксплуатировать гренландцевъ и негровъ.

Наконецъ, потерявъ довѣріе къ религіи, массы отдаются въ руки государю, князю надъ князьями, абсолютному королю, императору.

Можетъ быть, онъ положитъ конецъ угнетенію! Но король измѣнилъ имъ, какъ и попъ. Сдѣлавшись сеньоромъ надъ сеньорами, онъ удесятерилъ тираннію въ пользу своихъ фаворитовъ и союзниковъ; къ тираніи сеньеральной онъ прибавилъ тираннію государства. Онъ разорилъ своихъ подданныхъ, отдавъ ихъ сначала дворянамъ, потомъ буржуа, съ которыми поспѣшилъ раздѣлить свою власть.

* * *

Все было испробовано, и ничто не удалось. Тогда зародилась въ умахъ философія восемнадцатаго вѣка, пустившая ростки въ массахъ, изложенная англійскими и французскими мыслителями, испробованная на практикѣ Франціей 1793 года, философія, углубившаяся и расширившаяся съ тѣхъ поръ и называемая теперь анархическимъ коммунизмомъ.

Ея принципы очень просты: «Не стремитесь строить ваше благополучіе и вашу свободу на господствѣ надъ другими; властвуя надъ кѣмъ-либо, вы никогда не бу-

дете свободны сами. Увеличивайте вашу производительность, изучая природу: ея силы, подчиненныя генію человѣка, въ тысячу разъ превосходятъ силы всего человѣческаго рода. Освободите индивида; ибо безъ личной свободы не можетъ существовать свободное общество. Не вручайте дѣла вашего освобожденія ни въ чьи руки, ни въ духовныя, ни въ свѣтскія: помогайте сами себѣ. И чтобы достигнуть успѣха, порвите какъ можно скорѣе со всѣми религіозными и политическими предразсудками. Будьте свободными людьми и вѣрьте въ здоровый инстинктъ, присущій человѣческой природѣ: худшіе изъ присущихъ ему пороковъ являются продуктомъ власти, одинаково развращающей и повелителей, и порабощенныхъ.

* * *

Ясно видно, какъ этотъ способъ пониманія человѣческихъ отношеній отличается отъ того, что лежалъ въ основѣ всѣхъ предыдущихъ попытокъ освобожденія. «Коммунизмъ старъ», говорятъ намъ, и это вѣрно. Какъ стремленіе, онъ всегда существовалъ; но практика современнаго коммунизма нова.

Научивъ насъ тому, что мы должны дѣлать для нашего освобожденія, восемнадцатый вѣкъ далъ намъ и фактическую возможность сдѣлаться свободными.

Могъ ли человѣкъ освободиться въ то время, когда при самомъ усердномъ трудѣ онъ едва въ состояніи былъ произвести столько, чтобы прожить до слѣдующаго урожая, и оказывался лишеннымъ всякихъ средствъ къ существованію, если урожай былъ плохъ?

Тотъ, у кого нѣтъ хлѣба въ запасѣ, неизбѣжно становится рабомъ имѣющаго его въ избыткѣ. И вотъ на-

ука—рожденная лишь вчера, ибо она существуетъ не болѣе вѣка,—учитъ насъ, какъ удесятерить производство. Десять человѣкъ при помощи могучихъ машинъ могутъ произвести теперь работу двухсотъ человѣкъ. Десять работниковъ, присматривая за механическими станками, производятъ въ годъ такое количество одежды, что ея достаточно для пятисотъ человѣкъ. И тысяча рабочихъ съ помощью машинъ могу въ теченіе одного года построить и омеблировать цѣлый городокъ для 20—30 тысячнаго населенія.

* * *

Могъ ли быть свободнымъ человѣкъ, влачащій жизнь подъ властію ужасовъ, созданныхъ его собственнымъ воображеніемъ? Пока чудеса природы могли лишь возбудить въ немъ идею бога, злого, корыстолюбиваго и вѣроломнаго, какъ и его служители на землѣ; пока не за страхъ, а за совѣсть подчинялся онъ всякому, схватившему палку, чтобы ударить его? И вотъ наука разсѣяла всѣ эти ужасы: отъ нихъ не останется и воспоминанія, когда открытія нашего вѣка сдѣлаются достояніемъ всѣхъ.

Возможно ли было говорить о свободѣ, пока человѣкъ считался по природѣ существомъ въ высшей степени порочнымъ, злымъ и лѣнивымъ, существомъ, которое удерживаетъ отъ зла лишь страхъ передъ чортомъ и адомъ, судьей и палачемъ?

Какъ можно было проповѣдовать равенство, пока признавалось, что съ массами слѣдуетъ поступать какъ со скотомъ, который бьютъ бичемъ и загоняютъ въ хлѣвы?

Монахи-аскеты востока изобрѣли всевозможныя пытки, чтобы улучшить человѣка, чтобы выдворить діавола,

обитающаго въ каждомъ. Намъ смѣшно это теперь, но тѣ же самые взгляды, модернизированные и смягченные научной болтовней, побуждаютъ ученыхъ мудрецовъ утверждать, что безъ жандармовъ и тюремщиковъ человѣкъ не можетъ жить въ обществѣ.

Но если оффиціальная наука высказывается еще въ пользу палача, попа (позитивистскаго или еще какого-нибудь) и политикана, фактами жизни они осуждены безповоротно. Философія восемнадцатаго вѣка сдѣлала все возможное, чтобы пропагандировать идею демократическаго государства и верховной власти закона, имѣющаго своимъ источникомъ всеобщее избирательное право. Но нашъ вѣкъ показалъ всю ничтожность ихъ, онъ разрушилъ послѣднюю крѣпость авторитаризма, онъ провозгласилъ Анархію.

* * *

И по мѣрѣ того, какъ религіозные и государственные предразсудки теряли свою власть надъ умами людей, коммунизмъ захватывалъ все болѣе и болѣе широкій кругъ, дѣлаясь достояніемъ какъ мыслителей, такъ и дѣтей народа. Такимъ образомъ развитіе коммунизма отъ Фурье до нашихъ дней—со всей его теоретической разработкой, практическими опытами и стремленіями, пускающими мало-по-малу корни въ современной жизни—такъ же характерно для девятнадцатаго вѣка, какъ примѣненіе пара, какъ грандіозное развитіе промышленности, какъ необычайная быстрота и легкость международныхъ сношеній.

Коммунизмъ прошелъ черезъ тѣ же фазы развитія, какъ и народныя движенія минувшихъ вѣковъ. Онъ началъ съ подчиненія религіозной идеѣ; первые зачатки

коммунизма являла община христіанъ или монастырь, управляемый священниками. Позднѣе коммунизмъ пытался пріютиться подъ сѣнью государства. Икарія должна была быть управляема сильнымъ правительствомъ, въ одно и то же время и болѣе могущественнымъ, и болѣе мягкимъ, чѣмъ современныя правительства. Единственная уступка, которую авторитарный коммунизмъ рѣшился сдѣлать свободолюбивому духу вѣка, было федеративное устройство государства, при которомъ государства-коммуны должны подчиняться государству - націи. Поссибилисты еще и теперь придерживаются этого идеала государства-коммуны, между тѣмъ какъ нѣкоторые марксисты остаются коммунистами, приверженцами государства-націи.

И лишь къ концу вѣка, въ нѣдрахъ анархическаго интернаціонала утвердился коммунизмъ, не признающій ни бога, ни государства. Онъ молодъ еще. Но изъ предыдущаго обзора эволюціи коммунистическихъ идей ясно видно, кому принадлежитъ будущее; ясно видно, кто повертывается къ прогрессу спиной и кто идетъ впередъ; кто работаетъ противъ эволюціи и кто дѣйствуетъ въ согласіи съ ней.

* * *

Цивилизація, народившаяся въ Европѣ послѣ паденія цивилизацій, проникнутыхъ духомъ азіатскаго деспотизма, въ теченіе пятнадцати вѣковъ боролась съ враждебными силами, напиравшими на нее съ востока. Европа должна была не только отражать вооруженныя вторженія гунновъ, монголовъ, турокъ и арабовъ, заполнявшихъ ея долины и полуострова, ей пришлось также вы-

держать борьбу съ политическими понятіями Востока, съ его философіей и религіей. И только освободившись отъ пагубнаго вліянія Востока, она создала всю совокупность современныхъ наукъ, практическое примѣненіе которыхъ въ теченіе одного вѣка измѣнило лицо міра, раздвинувъ его границы за предѣлы звѣздныхъ туманностей и въ тысячу разъ увеличивъ богатство и силы человѣка современной наукой, и разбила всѣ кумиры, принесенные съ востока. Богъ, государство, частная собственность, принудительный законъ, условная мораль— освобожденная мысль не признаетъ ихъ больше.

Но, низверженныя въ теоріи, эти пустыя фикціи все еще засоряютъ совѣсть и умъ народа и нелѣпымъ хаосомъ громоздятся на его пути къ свободѣ.

На насъ, людей девятнадцатаго вѣка возложена исторіей задача—очистить пути жизни отъ этихъ пережитковъ варварства.

Прошедшіе вѣка подготовили намъ почву, и сильные ихъ опытомъ,мы можемъ, мы должны показать, что мы стоимъ на высотѣ своей исторической задачи.

П. Кропоткинъ.

II.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ
ПРОТИВЪ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТОВЪ И СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

В. ГАЙДАМАКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Вступленіе	35
I. Соціалисты государственники . . .	37
II. Приверженцы революц. правительства.	38
III. Борьба классовъ.	45
IV. Соц.-дем. и соц.-рев.—враги соціальной революціи	48
V. Идолопоклонники парламентаризма .	52
VI. Фетишисты всеобщаго избирательнаго права	58
VII. Авторы буржуазной революціи . . .	61
VIII. Гасильники революціоннаго духа . .	62
IX. Хлѣбъ и революція.	65
X. Роль истиннаго революціонера въ русской революціи	68

Обвинительный актъ.

ПРОТИВЪ

Соціалъ-Демократовъ и Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Или теперь, или никогда!

Или теперь живущія поколѣнія рабочаго народа овладѣютъ несмѣтными богатствами природы и еще болѣе цѣнными богатствами природы и техники, созданными руками рабочихъ, или они сойдутъ въ могилу голодными рабами!

Всѣ классы, всѣ партіи съ страшнымъ напряженіемъ силъ стараются помѣшать рабочимъ и крестьянамъ завоевать свободу и хлѣбъ. Что бюрократы, военные, попы, черносотенцы, октябристы, кадеты выступаютъ какъ прирожденные и заклятые враги народа—это понятно. Но увы! и соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, эти творцы и опора революціи—безсознательные и скрытые, но тѣмъ болѣе опасные враги народа.

Многихъ удивитъ, что мы свалили въ одну кучу соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ

всѣхъ фракцій. Но это такъ: ихъ различія ничтожны, съ нашей точки зрѣнія. Это не соціальныя, не политическія, но лишь эстетическія различія.

Соціалъ-демократы сѣры, неэффектны; верхомъ героизма для нихъ было наклеить при Плеве на стѣнѣ фабрики бумажонку съ призывомъ къ стачкѣ или манифестаціи, или провезти черезъ границу пачку «нелегальщины». Эта партія не имѣетъ ни одного героя, кромѣ героевъ пера, вродѣ гг. Плеханова и Ленина. Она не искупила своего зловреднаго существованія кровью ни одного мученика.

Иное дѣло соціалисты-революціонеры съ ихъ знаменитыми предшественниками: землевольцами и народовольцами. Каракозовъ, Соловьевъ, Перовская, Желябовъ, Кибальчичъ, Балмашовъ, Сазоновъ, Каляевъ, Конопляникова и десятки и сотни другихъ несравненныхъ героевъ, безстрашно боровшихся одинъ—на одинъ съ чудовищной гидрой самодержавія и безтрепетно умиравшихъ на висѣлицахъ,—этимъ людямъ, какъ личностямъ, отдаемъ мы дань своего восторга и преклоненія. Памятниками этихъ героевъ долженъ былъ бы украсить благодарный народъ площади своихъ городовъ, если бы... если бы доктрины, за которыя они отдали свою жизнь, восторжествовавъ не готовили бы народу все тѣ же нищету и рабство. Въ этомъ соціалисты-революціонеры и соціалъ-демократы сходятся другъ съ другомъ. И тѣ и другіе:

1) Государственники, ведущіе борьбу только до политическаго переворота и до созыва учредительнаго собранія.

2) Стремятся къ установленію революціоннаго правительства, и тѣмъ погубятъ революцію.

3) Вмѣсто борьбы съ правительствомъ, отвлекаютъ вниманіе на борьбу классовъ.

4) Враги соціальной революціи.

5) Идолопоклонники парламентаризма

6) и всеобщаго избирательнаго права.

7) Творцы буржуазной революціи,

8) Гасильники революціоннаго духа, выходящаго за предѣлы минимальныхъ программъ

9) Принципіально оставляютъ революціонеровъ безъ хлѣба

10) и готовятъ торжество реакціи.

I.

Соціалисты государственники.

Три ступени прошла соціальная эволюція. На первой стоятъ буржуа. Они признаютъ основой общества: семью, собственность и государство. На второй стоятъ соціалъ-демократы и соціалисты революціонеры; они отрицаютъ (въ теоріи) семью и собственность, но преклоняются предъ государствомъ. На третьей стоятъ анархисты. Вмѣстѣ съ семьей и собственностью они вышвырнули за бортъ и самаго опаснаго, самаго непримиримаго врага свободы и равенства—государство, государство во всѣхъ его возможныхъ проявленіяхъ отъ деспотіи и самодержавія, черезъ конституцію и буржуазную республику до соціальной республики включительно.

Всякое государство, прошедшее, настоящее и будущее—есть организованное насиліе, его единственная цѣль—эксплуатація трудящагося большинства въ пользу празднаго меньшинства. Его неизбѣжные атрибуты—

войско, полиція, судъ, тюрьма и десятки другихъ орудій насилія, безъ которыхъ государство не можетъ быть мыслимо, какъ не можетъ быть мыслимо ни одно матеріальное тѣло внѣ трехъ измѣреній.

Что государства прошедшаго и настоящаго были таковы, это ясно для всякаго и не требуетъ доказательствъ. Но и государство будущаго, имѣющее въ основѣ такъ называемое «народовластіе», т. е. основанное на фиктивной власти большинства, въ самомъ своемъ принципѣ санкціонируетъ насиліе. Согласно принциповъ народовластія, 101 милліонъ людей имѣетъ право принуждать другіе 100 милліоновъ поступать вопреки ихъ чувствамъ и убѣжденіямъ, а въ случаѣ неповиновенія сажать ихъ въ тюрьмы, вѣшать и разстрѣливать при посредствѣ находящихся въ распоряженіи большинства суда, полиціи и арміи. Мы-ужъ не говоримъ о томъ, что на практикѣ власть большинства сводится къ тиранніи кучки политическихъ проходимцевъ.

II.

Приверженцы революціоннаго правительства.

Всѣ соціаль-демократы и соціалисты-революціонеры отъ мала до велика. твердятъ въ одинъ голосъ, что, кто стоитъ за революцію, тотъ долженъ признать и революціонное правительство, какъ довершеніе ея, какъ ея необходимую санкцію.

Такъ ли это? Правда ли, что революціонное правительство является довершеніемъ революціи, ея необходимою санкціею?

Прежде всего мы должны отмѣтить, что русская революція менѣе, чѣмъ какая-нибудь другая, является

дѣломъ одной какой-нибудь партіи или даже всѣхъ партій, взятыхъ вмѣстѣ. Это по преимуществу стихійное народное движеніе, отъ времени до времени проявляющееся такими взрывами, какъ 9-е января, октябрьская забастовка, ноябрьскіе разгромы помѣщиковъ, взрывами, которыхъ партіи не только не готовили, но когда они наступали, не знали, какъ къ нимъ отнестись.

Во-вторыхъ, мы должны отмѣтить, что это стихійное движеніе есть по существу не политическое, а экономическое движеніе. Русскій народъ, если его не смущаютъ доктринеры, нисколько не думаетъ о разныхъ буржуазно-демократическихъ прелестяхъ, вродѣ всеобщей подачи голосовъ, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. Это пустыя слова для подавляющей массы крестьянъ и рабочихъ, неспособныя ни увлечь ихъ, ни воодушевить на бунтъ; но за то народъ понимаетъ лучше всякихъ теоретиковъ свое угнетенное положеніе, чувствуетъ голодъ, холодъ и нищету, и всегда готовъ откликнуться на призывъ къ равненію по душамъ всѣхъ земныхъ благъ. Правда, угнетенный и приниженный народъ не имѣлъ возможности въ своей прошлой исторической жизни выработать какія-нибудь закопченныя и опредѣленныя соціально-экономическія формы, которыя могли бы фиксировать и сдѣлать постояннымъ порядкомъ вещей это однажды произведенное равненіе по душамъ. Онъ не знакомъ ни съ фурьеризмомъ, ни съ сенъ-симонизмомъ, ни съ коммунизмомъ, ни съ коллективизмомъ. Но вѣдь и всѣ тѣ, кто знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, всѣ эти «измы», такъ же мало знаютъ, какъ осуществить ихъ въ жизни, какъ и мужикъ отъ сохи. Новыя, лучшія формы жизни можетъ создать только свободное народное творчество. Свобод-

ное же народное творчество возможно только въ эпохи революціи, такъ какъ только въ періоды революціоннаго броженія освобождаются необходимые для созданія новыхъ формъ жизни элементы, связанные дотолѣ силою стараго режима. Но бѣда въ томъ, что народъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ его друзья и печальники, и въ самые горячіе моменты борьбы, въ самый разгаръ народнаго творчества, они вмѣшиваются въ движеніе и, принимаясь помогать народу, останавливаютъ его на полдорогѣ, не пуская его довести до конца дѣло своего освобожденія. Факты исторіи неопровержимо доказываютъ, что эта помощь всегда была сознательнымъ или безсознательнымъ предательствомъ.

Чѣмъ, какъ не предательствомъ, было слащавое народолюбіе «добродѣтельныхъ» и «государственныхъ» мужей Великой Французской Революціи? Чѣмъ, какъ не предательствомъ, было народолюбіе соціалистовъ à la Луи Блянъ? Чѣмъ, если не предательствомъ, были напыщенныя прокламаціи Ледрю-Роллена въ 1848 году? «Тебѣ плохо, говорили эти благожелатели народу, ты погрязаешь въ рабствѣ и невѣжествѣ—кто этого не видитъ? Наше сердце надрывается при видѣ твоихъ страданій, и мы неустанно заботимся о тебѣ; но ты не хочешь понять, что у тебя плохой хозяинъ, плохой баринъ. Перемѣни ихъ, и все пойдетъ хорошо».

Наши соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры упорно повторяютъ то же самое. «Провозгласите Учредительное Собраніе, говорятъ они мужикамъ и рабочимъ,—и вы станете вольными людьми». И народъ, это вѣчное дитя, пойдетъ провозглашать Учредительное Собраніе и отдастъ за него жизнь и кровь свою, въ надеждѣ, что оно принесетъ ему свободу и счастье.

Руководимый политиканами, занявшими въ наше время мѣсто жрецовъ и волхвовъ, народъ отъ ошибки переходитъ къ ошибкѣ, пока не возвращается опять въ покосившуюся землянку, съ пустымъ корытомъ передъ нею.

Стремиться къ организаціи революціоннаго правительства, изъ какихъ бы „крайнихъ лѣвыхъ“ оно ни составилось—значитъ сознательно или безсознательно теперь же готовить почву для реакціи. Вотъ почему мы такъ враждебно относимся ко всякимъ программамъ-минимумамъ, выставляемымъ соціалъ-демократами и соціалистами-революціонерами, этимъ тормазамъ революціи, этимъ страшнымъ и неумолимымъ врагамъ свободнаго народнаго творчества, которое стремится стать анархическимъ.

Всякое революціонное правительство, руководящееся какими бы то ни было программами, неизбѣжно должно быть торжествомъ законности, этого антипода революціи. Революціонное правительство преждевременно закончило Великую французскую Революцію, не давъ ей перейти въ соціальную. Революціонное правительство погубило революцію 48-го года и подготовило іюньское избіеніе рабочихъ въ Парижѣ генераломъ демократической республики Кавеньякомъ. Игра въ правительство привела къ гибели славной памяти парижскую коммуну. Революціонное правительство, чтобы держаться, принуждено опираться на полицейскую, а не на революціонную силу возставшаго народа. Оно должно быть готово, если это понадобится, выступить противъ чрезмѣрныхъ требованій народа; бить вправо—во враговъ революціи, но также бить и влѣво—въ друзей революціи, стремящихся довести ее до ея логическаго конца.

Однимъ словомъ сама необходимость принуждаетъ его быть срединою. Робеспьеръ билъ съ одной стороны жирондистовъ, этихъ кадетовъ Великой Революціи, но онъ же свирѣпствовалъ и противъ самой рѣшительной, самой передовой части кордильеровъ. Онъ взвелъ на плаху Гебера, Шомета и Ру, этихъ анархистовъ XVIII вѣка. Камила Дюмулэна, это „дитя революціи“, Анахарсиса Клодса, „оратора человѣчества“ и, наконецъ, отрубилъ голову самому генію революціи, Дантону.

Но что еще хуже, вмѣстѣ съ этимъ корифеями онъ погубилъ безчисленныхъ и безымянныхъ народныхъ героевъ, составляющихъ силу революціи, и когда наступило 9-е Термидора, онъ палъ подъ тяжестью ошибокъ своей диктатуры, покинутый „центромъ“ Конвента, этими опортюнистами и „болотными жабами“, на которыхъ онъ опирался, а съ нимъ погибла и революція, которую некому было защищать.

Борьба со всѣмъ, что лежитъ внѣ центра, внѣ точной середины между двумя крайностями — самая основная черта революціоннаго правительства. И такъ какъ эта борьба ведется правительствомъ, то она зачастую принимаетъ настолько безсмысленно-жестокій характеръ, что возстановляетъ противъ революціи не только тѣхъ, кто по отношенію къ ней раньше держался дружественнаго нейтралитета, но даже и ея друзей. Реакція всегда пользуется такими моментами и, пріободренная естественнымъ раздраженіемъ народа противъ революціоннаго правительства, борется за оружіе и смѣло выступаетъ противъ революціи.

При этомъ еще нужно принять во вниманіе стремленіе всякой диктатуры къ концентраціи всѣхъ силъ страны въ одномъ центрѣ, вокругъ котораго, какъ го-

лодные волки начинаютъ рыскать всевозможные шарлатаны политики, вродѣ знаменитаго Корсиканца, съ цѣлью захватить этотъ центръ въ свои руки, чтобы имѣть возможность господствовать надъ всей страной, и тогда станетъ ясно, какимъ страшнымъ обоюдоострымъ оружіемъ является революціонное правительство, даже состоящее изъ лучшихъ передовыхъ людей. Таковъ историческій опытъ.

Послѣ этого понятно, что намъ становится жутко при одной мысли о возможности демократической диктатуры пролетаріата, о которой мечтаютъ соціалъ-демократы. Замѣтьте, не просто диктатура, а демократическая, т. е. диктатура, исключающая всякую возможность коренныхъ измѣненій въ отношеніяхъ труда и капитала, диктатура, сохраняющая экономическую зависимость пролетаріата отъ буржуазіи, не смѣющая посягнуть на „самодержавіе буржуазіи“.

Если волею рока воцарится у насъ подобная диктатура, то въ недалекомъ будущемъ русской революціи мы рискуемъ увидѣть роскошную картину—какъ солдаты и полиція соціалъ-демократическаго правительства будутъ штыками и шрапнелью выдворять рабочихъ съ захваченныхъ ими фабрикъ и водворять на мѣсто полумертвыхъ отъ страха буржуа-фабрикантовъ. Вѣдь этого требуетъ программа минимумъ, согласно которой эксплуатація русскаго рабочаго капиталистомъ должна продолжаться и послѣ революціи. «Мы отвергаемъ какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ задачу немедленнаго осуществленія соціальнаго строя... Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капи-

талисты: пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить вамъ вашу буржуазную республику (!) («Впередъ», № 10, передовая статья).

Какъ видите, они откровенны, эти соціалъ-демократы! Руками пролетаріата хотятъ они построить уютную и теплую республику для буржуа! Предатели!

Это они распространяютъ вредное заблужденіе о правительственномъ творчествѣ, о революціонномъ правительствѣ, осуществляющемъ программу-минимумъ. Ложь! Того, чего не осуществила революція, не осуществитъ никакое революціонное правительство. Они ссылаются на правительственное творчество Конвента. Но и это ложь. Конвентъ не по своей иниціативѣ принимался за осуществленіе того или иного народнаго требованія, а признавалъ эти требованія лишь послѣ того, какъ народъ фактически революціонно уже осуществилъ ихъ въ жизни. Конвентъ шелъ на уступки возставшему народу изъ опасенія быть разнесеннымъ копейщиками. Но какъ только Конвентъ почувствовалъ точку опоры въ реакціонно-буржуазныхъ элементахъ, онъ тотчасъ же провозгласилъ неприкосновенность частной собственности, запретилъ союзы рабочихъ и провозгласилъ поклоненіе Высшему Существу, т. е. торжественно возстановилъ въ ихъ правахъ злѣйшихъ враговъ народа: Бога, собственность и рабство. Революціонное правительство, какъ довершеніе революціи, есть буржуазная выдумка, и истинный революціонеръ долженъ быть его заклятымъ врагомъ. Одно изъ двухъ: или народъ разобьетъ весь старый режимъ, и тогда для завершенія революціи не будетъ надобности прибѣгать къ революціонному правительству, тормозящему всегда, какъ мы это видимъ изъ примѣровъ исторіи, революціонную иниціативу и

революціонное творчество народа; или народъ не побѣдитъ или побѣдитъ частично, и тогда революціонеры не только не должны брать на себя починъ объявленія диктатуры, хотя бы даже и демократической, а наоборотъ, всѣми силами должны мѣшать установленію сильнаго правительства.

III.

Борьба классовъ.

Теорія классовой борьбы, разработанная и установленная французскими историками начала XIX-го вѣка: Гизо, Тьери, Сисмонди, Минье и другими и почему-то приписанная Энгельсомъ Марксу—является альфой и омегой соціалъ-демократическаго доктринерства. Отчасти и соціалисты-революціонеры видятъ въ ней все реальное содержаніе исторіи. Даже побѣда пролетаріата и крестьянъ, согласно минимальнымъ программамъ тѣхъ и другихъ, ведетъ не къ уничтоженію классовъ, а къ диктатурѣ одного класса надъ другими.

Самъ Марксъ насчитываетъ до 14 классовъ (феодальная аристократія, поземельная, духовенство, крупная буржуазія, мелкая, крупная финансовая, крупная индустріальная, крестьянство крупное, оно же мелкое, послѣднее еще дѣлится на собственниковъ и батраковъ, потомъ идетъ пролетаріатъ). Ученики Маркса самый пролетаріатъ подѣлили на четвертый классъ и люмпенъ-пролетаріатъ (оборванцы, босяки), и ненависть господъ «четвертаго класса» къ босякамъ и крестьянамъ едва ли не сильнѣе презрѣнія дворянства къ третьему сословію до революціи.

Въ теоріи предполагается, что всѣ эти классы борются другъ съ другомъ, внутри же царитъ полная солидарность. Но самаго бѣглаго взгляда на жизнь достаточно, чтобы замѣтить, что эксплуатація человѣка человѣкомъ идетъ съ неменьшимъ успѣхомъ и внутри самихъ классовъ. Дворяне, буржуа, и крестьяне наперебой стараются обмануть и разорить другъ друга, и даже рабочіе-соціалисты, чуть только поднявшись на высшую ступень какого-нибудь подмастерья, не упускаютъ случая эксплуатировать своихъ братьевъ. Такъ что на практикѣ всѣ безчисленные классы дѣлятся только на два обширныхъ класса: эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ. При дальнѣйшемъ же, болѣе тщательномъ анализѣ явленій, на всемъ протяженіи міровой исторіи, мы нигдѣ не видимъ борьбы классовъ какъ соціально-историческаго факта, какъ реальнаго физическаго явленія.

Дѣйствительно, гдѣ и когда, хотя бы однажды на протяженіи вѣковъ, сошлись лицомъ къ лицу два класса? Когда браминъ сражался съ паріемъ? Когда плебей боролся съ патриціемъ? Когда рабочій дрался съ буржуа?— Никогда! Когда чаша народнаго терпѣнія переполнялась, и народъ брался за оружіе, то физически, реально, лицомъ къ лицу на полѣ битвы, на баррикадахъ, всегда и вездѣ: въ равнинахъ Вавилона, на улицахъ Мемфиса и на мостовой Парижа неизмѣнно сходились лицомъ къ лицу и падали обливаясь кровью братья, люди одного класса, только одни были въ лохмотьяхъ, а другіе въ мундирахъ—вотъ и вся разница.

Кто же и съ кѣмъ боролся на протяженіи вѣковъ? Угнетенные, приниженные, голодные и нищіе боролись съ правительствомъ, съ государствомъ, поддерживаю-

щимъ и осуществляющимъ всякую эксплуатацію при посредствѣ полиціи и войска. Они боролись съ правительствами восточныхъ деспотовъ, съ самодержавными, съ конституціонными, съ буржуазно-республиканскими, съ демократически-республиканскими, и, несомнѣнно, такъ же какъ и со всѣми прошедшими, будутъ бороться и съ соціалистическимъ правительствомъ будущаго, такъ какъ гдѣ правительство, тамъ неравенство и эксплуатація. Не нужно исписывать десятки страницъ, чтобы доказать простую и самоочевидную истину, что никакой правящій классъ, когда-либо выступавшій на историческую арену, не просуществовалъ бы и одного дня послѣ разрушенія правительственнаго механизма. Чтобы не ходить далеко и не углубляться въ дебри исторіи, представьте, что наша русская буржуазія, начиная отъ милліонеровъ и кончая собственникомъ мелочной лавчонки, осталась бы одна, безъ арміи, безъ суда, безъ полиціи, лицомъ къ лицу съ многомилліонной народной массой. Какими неисповѣдимыми путями могла бы она поддерживать и развивать въ дальнѣйшемъ эксплуатацію массъ? При помощи какихъ силъ, небесныхъ или земныхъ могли бы землевладѣльцы удержать свои земли, фабриканты свои фабрики, банкиры свои деньги, какъ могли бы они продолжать безнаказанно отнимать у рабочаго и крестьянина прибавочную стоимость вырабатываемыхъ имъ продуктовъ? Такой силы нѣтъ и не можетъ быть въ природѣ. Съ другой стороны борьба съ буржуазіей можетъ быть доведена до полнаго торжества, какое только можно вообразить. Допустимъ, что перевѣшаны всѣ буржуа, отъ милліонеровъ до мелкихъ торговцевъ включительно, произведены самыя коренныя реформы, но оставлены армія, судъ, полиція, весь бюро-

кратическій механизмъ,—и на другой же день окажутся на своихъ мѣстахъ тысячи новыхъ эксплуататоровъ народа, въ числѣ которыхъ будетъ добрая половина соціалъ-демократовъ.

IV.

Соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры—враги соціальной революціи.

Они—соціалисты, эти соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, но ихъ соціализмъ то же, что религія поповъ. Они переносятъ осуществленіе соціальной республики въ невѣдомую даль, такъ же какъ попы переносятъ на небо рай бѣдняковъ. Но соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры лгутъ такъ же, какъ лгали попы! Нѣтъ рая на небѣ и его никогда не будетъ на землѣ, пока будетъ существовать государство. Даже конечный идеалъ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, ихъ соціальная республика съ ея неисчислимой сворой чиновниковъ, съ ея «промышленными» солдатами—не болѣе какъ исправленныя и дополненныя аракчеевскія военныя поселенія, гдѣ по барабану будутъ доить коровъ,—адъ безысходнаго рабства, санкціонированнаго фикціей самодержавной народной воли.

Соціалъ-демократы и соціалисты революціонеры, друзья и руководители рабочихъ, не устаютъ повторять, что его классовое самосознаніе неразвито, что онъ еще неподготовленъ капитализмомъ къ соціализму. Но не то же ли говорятъ рабовладѣльцы и крѣпостники: «Рано освобождать народъ, рабство еще недостаточно пріучило его къ свободѣ»!

Соціалъ-демократы хотятъ сначала выучить рабочихъ плавать на сушѣ, прежде чѣмъ броситься въ волны. Но пока они будутъ учить—океанъ революціи замерзнетъ. Все будетъ кончено. Все закоснѣетъ, выкристаллизуется въ формы какой-нибудь демократической или буржуазной республики, опирающейся на фиктивную власть большинства, разбить которую будетъ въ милліонъ разъ труднѣе, чѣмъ свалить самодержавіе.

Во всякой великой революціи бываетъ моментъ, когда старая власть рушится и фактически переходитъ въ руки народа, не сытыхъ, трусливыхъ буржуа, купцовъ, адвокатовъ, нотаріусовъ, докторовъ, и земцевъ, а въ руки простого чернаго народа, рабочихъ и крестьянъ, которые одни составляютъ реальную силу революціи. Но какъ только народная стихія свершила свое великое дѣло, откуда ни возьмись со всѣхъ сторонъ выползаютъ партійные люди: конституціоналисты—демократы, радикалы и соціалисты, адвокаты, врачи, земцы, студенты, и на всѣхъ перекресткахъ кричатъ въ уши народа: «Стой, остановись, довольно! Ты сдѣлалъ свое дѣло, ты разрушилъ тюрьмы, ты убилъ тирановъ, ты полилъ своею кровью поле свободы. Довольно! иди домой, въ свои звѣриныя норы. Отдохни, народъ-герой, ты заслужилъ свой отдыхъ! Дай только намъ свои полномочія, и ужъ мы устроимъ твою жизнь, мы организуемъ новое правительство, издадимъ новые законы, и ты пожнешь сладкіе плоды свободы!»

Но сладкіе плоды пожинало только новое начальство. Этимъ кончались до сихъ поръ всѣ революціи; этимъ же кончится и русская революція, если народъ послушаетъ своихъ враговъ и, разрушивъ самодержавіе, разойдется по домамъ. На другой же день послѣ революціи съ не-

виданной дотолѣ силой воцарятся вновь всѣ ужасы неравенства и эксплуатаціи, опять бѣдные будутъ глодать черствую корку, а богачи утопать въ излишествахъ; опять наполнятся тюрьмы и заработаютъ висѣлицы. Разница будетъ лишь въ названіяхъ. Мѣсто монархіи займетъ демократическая республика. сытые тунеядцы, тюремщики и палачи будутъ называться соціалъ-демократами, а бѣдняки, глодающіе корки, наполняющіе тюрьмы и умирающіе на висѣлицахъ за истинную свободу и равенство, будутъ называться анархистами.

Чтобы революція была плодотворной, на другой день послѣ разгрома самодержавнаго правительства трудящемуся народу нужно повѣсить на фонаряхъ и деревьяхъ всѣхъ призывающихъ къ порядку, всѣхъ отсылающихъ его домой, всѣхъ парламентаріевъ, обѣщающихъ ему устроить его судьбу: адвокатовъ, земцевъ, докторовъ, нотаріусовъ, кадетовъ, соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, если только и они осмѣлятся сказать, что революція кончилась, что народъ сыгралъ свою роль, и что теперь нужно установить твердую власть и заняться демократическими реформами. Затѣмъ народъ долженъ захватить склады пищевыхъ продуктовъ и одежды, жилища, фабрики, заводы, копи, пути сообщенія, банки; разрушить казармы, крѣпости, арсеналы, тюрьмы; уничтожить пороховые погреба, ружья, пушки, броненосцы; предать ауто-да-фе всѣ канцеляріи, архивы, министерства, департаменты—однимъ словомъ, произвести полный экономическій переворотъ, установить безграничную свободу и безусловное экономическое равенство. Какъ послѣдствіе подобнаго переворота, монархисты, октябристы и кадеты, въ трогательномъ единеніи съ соціалъ-демократами и соціа-

листами-революціонерами, пророчатъ тысячи ужасовъ: убійства, грабежи, насилія и въ концѣ концовъ возвратъ къ худшимъ временамъ стараго режима. Но всякій, кто говоритъ такъ и взываетъ къ порядку,—предатель и врагъ народа.

Мы, какъ и другіе, не знаемъ, что будетъ. Мы не знаемъ, какія общественныя формы создастъ свободное творчество народа, не знаемъ, какъ долго продлится процессъ экспропріаціи и разрушенія, какими ужасами и насиліями онъ будетъ сопровождаться (во всякомъ случаѣ въ дѣлѣ террора народу не удастся превзойти самодержавное правительство). Мы не знаемъ, что будетъ; но мы знаемъ, чего не будетъ. Разъ правительственный механизмъ будетъ разрушенъ до основанія, никогда ужъ больше не будетъ безумной роскоши однихъ и нищеты другихъ, не будетъ организованнаго насилія, не будетъ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ. Нужно только уничтожить государство, разрушить въ цѣломъ и по частямъ этотъ сложный организмъ, состоящій изъ комбинаціи техническихъ приспособленій и безпринципныхъ, бездушныхъ агентовъ, съ одинаковымъ усердіемъ исполняющихъ указы самодержца и декреты временнаго правительства,—и даже блѣдная тѣнь стараго режима не вернется на землю.

Мы ставимъ ясный и опредѣленный вопросъ всѣмъ соціалистамъ-государственникамъ, отрицающимъ соціальную революцію, ссылаясь на ея безплодность и неизбѣжный возвратъ неравенства и эксплуатаціи, какъ непремѣнное слѣдствіе недоразвитія классового самосознанія трудящихся массъ,—пусть они коротко и ясно отвѣтятъ на него: кто послѣ уничтоженія правительства будетъ поддерживать эксплуатацію и неравенство?

Какая сила станетъ между милліонами голодныхъ ртовъ и переполненными амбарами одинокихъ богачей? Какая сила заставитъ рабочихъ наполнять эти амбары, вмѣсто того чтобы самимъ пользоваться плодами своихъ трудовъ? Вѣдь правительства нѣтъ! Мы смѣло и увѣренно отвѣчаемъ: нѣтъ въ мірѣ такой силы!

Но, быть можетъ, это сдѣлаютъ сами эксплуататоры? Но для этого ихъ должно быть больше, чѣмъ эксплуатируемыхъ, что—нелѣпо, такъ какъ весь смыслъ эксплуатаціи въ томъ, что на одного работаетъ сто, тысяча, десять тысячъ человѣкъ. Обратная же попытка со стороны ста прожить эксплуатаціей одного могла бы имѣть мѣсто только въ домѣ умалишенныхъ.

Захвативъ власть и употребивъ ее на уничтоженіе съ корнемъ всего правительственнаго организма, рабочій народъ разъ навсегда вырветъ почву изъ-подъ ногъ всѣхъ эксплуататоровъ—дѣйствительныхъ и потенціальныхъ, настоящихъ и будущихъ.

V.

Идолопоклонники парламентаризма.

Новое зло создали соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры: вѣру въ Парламентъ, въ Учредительное Собраніе, Земскій соборъ и проч. За Учредительное собраніе призываютъ они народъ проливать свою кровь и отдавать свою жизнь... Но они, вѣдь, знаютъ, они не могутъ не знать, что дѣлалось и дѣлается во всѣхъ парламентахъ міра и во всѣхъ учредительныхъ собраніяхъ. Какъ мы уже упомянули, Конвентъ 1793 года запретилъ рабочіе союзы и стачки. По порученію Національ-

наго собранія, Кавеньякъ въ 48 г. убилъ 15 тысячъ рабочихъ. Національное собраніе 1871 года уполномочило разстрѣлять 35.000 рабочихъ, женщинъ и дѣтей. А соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры не устаютъ твердить народу: «Вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ все разсудитъ»... Вотъ соберется Дума, Дума все для васъ сдѣлаетъ, а прежде всего дастъ крестьянамъ землю. «Когда будетъ во всемъ его (крестьянина) воля, когда будетъ у него своя Дума, тогда будетъ ему и земля («Револ. Россія»).

Мы видимъ, какъ эта «воля» даетъ землю крестьянину. Передъ нашими глазами примѣръ всей западной Европы на протяженіи столѣтія. Мы имѣемъ тамъ всѣ виды этой «воли», отъ самой умѣренной конституціи до самой широкой демократической республики, и что ни одна изъ этихъ «волъ» никогда земли крестьянину не дала и не давала.

Зачѣмъ же соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры обольщаютъ народъ прелестями парламентаризма? Развѣ нашъ парламентъ какимъ-нибудь чудомъ не будетъ копіей всѣхъ остальныхъ? Конечно, будетъ, такъ какъ недостатки парламента не есть недостатки того или другого даннаго парламента, но составляютъ неизбѣжную сущность каждаго изъ нихъ, находящуюся въ органической зависимости отъ организаціи учрежденія и состава его членовъ.

Изъ кого состоятъ, состояли и будутъ состоять всѣ парламенты, конвенты, учредительныя собранія и думы всѣхъ странъ и народовъ? Двое-трое дѣйствительныхъ друзей народа, случайно попавшихъ въ общую массу; а остальные? Мы не говоримъ уже объ избранникахъ монархистовъ и буржуа всѣхъ фракцій: ихъ шкурные

интересы очевидны для всякаго. Но скажутъ: соціалисты, эти друзья эволюціи, эти революціонеры, неужели они тоже могутъ измѣнить своему дѣлу, и мы увидимъ ихъ идущими по пути регресса, какъ только они достигнутъ, наконецъ, власти? Безъ сомнѣнія. Соціалисты, сдѣлавшись хозяевами положенія, будутъ поступать и поступаютъ уже такъ же, какъ и ихъ предшественники, монархисты и республиканцы. Порукой этому служатъ тѣ черты характера, какими долженъ обладать всякій кандидатъ въ народные представители, и тотъ путь, который онъ долженъ пройти, прежде чѣмъ попадетъ въ парламентъ. При всеобщемъ избирательномъ правѣ подобный кандидатъ-соціалистъ долженъ заискивать у толпы, у большинства; онъ долженъ искать популярности въ ресторанахъ и пивныхъ, заискивать у лицъ, которыя будутъ голосовать за него, кто бы они ни были. Принося въ жертву все и сохраняя только внѣшній видъ друзей народа, они протягиваютъ руку врагамъ общаго дѣла и заражаютъ ядомъ лжи и компромисса весь правительственный организмъ. Чтобы завоевать въ свою пользу голоса избирателей, чтобы заслужить благосклонность гражданъ, кандидатъ-соціалистъ предупредительно приспособляется ко вкусамъ толпы, потворствуетъ ея предразсудкамъ и заблужденіямъ. Онъ принужденъ игнорировать старые споры и антипатіи, прикидывается на время другомъ и союзникомъ тѣхъ, кого онъ ненавидитъ въ душѣ. Въ клерикалѣ онъ постарается увидѣть христіанскаго соціалиста, въ либеральномъ буржуа-реформатора, въ шовинистѣ—защитника чести своей родины. Даже собственникамъ и хозяевамъ ему приходится дружески протягивать руку и увѣрять, что и соціалисты уважаютъ частную собственность!

Въ этомъ заискиваніи передъ толпой кандидатъ-соціалистъ забываетъ свои прежнія гордыя рѣчи въ защиту суровой истины, утрачиваетъ независимое положеніе бойца. Пройденный путь кладетъ на него свою печать, и, добравшись, наконецъ, до власти, ему не остается ничего болѣе какъ по примѣру своихъ предшественниковъ, прошедшихъ тотъ же путь, воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы сбогащаться самому и раздавать мѣста своимъ друзьямъ, стыдливо прикрываясь фиговымъ листомъ народнаго блага. Такова ужъ человѣческая природа, о чемъ свидѣтельствуютъ непреложные факты исторіи.

Лучшіе люди, истинные друзья народа и прогресса, вовсе не пойдутъ по этому пути, а если роковое заблужденіе государственности и толкнетъ на скользкій путь парламентаризма гордаго и свободолюбиваго человѣка, онъ сверпетъ съ него послѣ первыхъ же унижающихъ шаговъ и останется съ тѣми, кто трудится, борется и страдаетъ, неуклонно добиваясь свободы и экономическаго равенства.

Доходятъ до конца, за немногими исключеніями, только авантюристы, явные и скрытые опортюнисты, да наивные и вредные честолюбцы, воображающіе, что они призваны измѣнить судьбы міра и реформировать общество при посредствѣ своихъ удивительныхъ административныхъ способностей. Добравшись до власти, они въ дѣйствительности стараются только укрѣпить и расширить эту власть, и фатально дѣлаются врагами прогресса и свободы.

Легенда о самодержавномъ народѣ, о народѣ, который самъ собой управляетъ черезъ посредство своихъ избранниковъ—нелѣпая басня, вся вопіющая безсмысли-

ца которой становится очевидной при самомъ бѣгломъ обзорѣ избирательнаго процесса и законодательной дѣятельности парламентовъ. Сто, двѣсти тысячъ избирателей, имѣющихъ тысячи различныхъ желаній, вѣчно измѣняющихся въ зависимости отъ различія темперамента и случайностей общественной и личной жизни, собираются вмѣстѣ; одни изъ нихъ хотятъ только земли и боятся свободы, другіе хотятъ и земли и свободы, третьимъ нуженъ восьмичасовой день и повышенныя расцѣнки, четвертымъ не нужна земля, имъ нужна только свобода слова, союзовъ и собраній; у пятыхъ есть все, имъ нуженъ только спокойный сонъ.

И каждый въ ничтожную бумажку бюллетеня съ начертаннымъ на ней полузнакомымъ именемъ вкладываетъ всѣ завѣтныя желанія своей жизни. Избранникъ же народа хочетъ только власти, власти прежде всего, и ему нѣтъ ровно никакого дѣла до надеждъ и желаній избирателей. У него вѣдь есть свои надежды и желанія, и ихъ то онъ будетъ осуществлять въ жизни! Не ясно ли какъ день, что коллективная воля 100,000 человѣкъ, будто-бы сконцентрированная въ волѣ одного избранника, есть вопіющій абсурдъ. Но этого мало: сто тысячъ избирателей могутъ выставить не одного кандидата, а пять, шесть, быть можетъ десять, двадцать кандидатовъ; въ парламентъ же попадаетъ только одинъ избранникъ на сто тысячъ, а пятой, десятой, двадцатой части всѣхъ собравшихся; остальные же четыре пятыхъ, а то и девятнадцать двадцатыхъ избирателей вовсе остаются безъ представителя своихъ интересовъ, такъ какъ избранникамъ своихъ враговъ они не довѣрили бы гонять собакъ, не то что издавать законы.

Но тѣ счастливцы, которымъ удалось провести своего

кандидата, развѣ для нихъ есть хоть малѣйшая надежда, что ими будетъ управлять ихъ избранникъ? Ни малѣйшей. Обыкновенно идолопоклонники парламентаризма утѣшаютъ народы, съ которыхъ парламенты сдираютъ шкуру не хуже восточныхъ деспотовъ, тѣмъ, что парламенты творятъ волю если не всего народа, то, по крайней мѣрѣ, большинства. Но опять ложь и предательство! Мы уже видѣли, что въ парламентъ попадетъ избранникъ не большинства, а одной пятой или одной десятой части избирателей. Кромѣ того, всякій парламентъ раздѣляется на двѣ приблизительно равныя партіи—правительственную и оппозиціонную. Даже если въ ту и въ другую случайно попадетъ десятокъ—другой талантливыхъ и честныхъ людей, то не они рѣшаютъ судьбу всякой реформы и всякаго законопроекта. Это дѣлаетъ ничтожная кучка ничтожнѣйшихъ изъ ничтожныхъ людей, тѣ, которыхъ такъ мѣтко прозвали „болотными жабами“, тѣ, у которыхъ нѣтъ никакихъ убѣжденій, которые всегда садятся между двумя стульями и виляютъ между двумя основными партіями палаты.

Именно эта группа людей, человѣкъ пятьдесятъ ничтожныхъ и безвольныхъ опортюнистовъ, лавирующихъ между либералами и консерваторами, подкупленныхъ обѣщаніями, выгодными мѣстами, лестью, побуждаемыхъ то своекорыстіемъ, то страхомъ, примыкая то къ одной, то къ другой партіи,—и рѣшаетъ всѣ дѣла страны. Она издаетъ законы, составляетъ министерства и измѣняетъ направленіе политики, склоняясь то на сторону реакціи, то на сторону колоніальныхъ авантюръ. Въ концѣ концовъ стомилліонный народъ, въ теоріи управляющій самъ собою, управляется кучкой самыхъ ничтожныхъ,

презрѣнныхъ и жалкихъ людей—вотъ къ чему на практикѣ сводится парламентскій режимъ. И это неизбѣжно, каковъ бы ни былъ составъ парламента. Сколько бы въ немъ ни было звѣздъ первой величины и честныхъ людей—послѣднее слово всегда будетъ принадлежать «болотнымъ жабамъ».

Такъ идутъ дѣла въ полномочныхъ парламентахъ, не считающихся съ волей самодержцевъ и ихъ челяди. Съ нашей-же русской Думой, которую собираютъ и разгоняютъ по волѣ камарильи, дѣло обстоитъ еще плачевнѣе.

По истинѣ русскій народъ, руководимый наивными и честолюбивыми политиканами, похожъ на глупаго щенка, которому злой мальчишка даетъ кусочекъ мяса, привязанный на бичевкѣ.

— Ахъ, какъ вкусно пахнетъ жаренымъ! и щенокъ съ наслажденіемъ проглатываетъ кусочекъ. Но злой мальчишка дергаетъ за бичевку и извлекаетъ кусокъ изъ самаго желудка.

— Ахъ, какъ обидно! Но щенокъ не унываетъ, онъ опять и опять глотаетъ лакомый кусочекъ, а злой мальчишка опять и опять выдергиваетъ его изъ самаго желудка.

Наивный щенокъ не можетъ понять, что разъ уже ему непремѣнно хочется полакомиться мясцомъ, такъ нужно сначала броситься на злого мальчишку, перегрызть ему горло, и уже потомъ на свободѣ заняться лакомымъ кусочкомъ.

VI.

Фетишисты всеобщаго избирательнаго права.

Изъ предыдущаго становится сама собой очевидна губительная ложь всеобщаго голосованія. «Друзья народа» изобрѣли эту призрачную панацею въ разсчетѣ

на то, что бѣдныхъ и угнетенныхъ больше, чѣмъ богатыхъ и благополучныхъ, и изъ отвращенія къ цензовымъ избирательнымъ правамъ. Но это роковая ошибка! Агитируетъ, сражается на баррикадахъ, убиваетъ тирановъ, вообще создаетъ и руководитъ сначала освободительнымъ движеніемъ, а потомъ революціей (поскольку ею возможно руководить), во всякомъ случаѣ ничтожное меньшинство, какая-нибудь сотая или тысячная часть населенія; остальная же подавляющая масса населенія состоитъ или изъ безучастныхъ зрителей совершающейся драмы, больше всего жаждущихъ тишины и спокойствія, или изъ активныхъ враговъ революціи, приверженцевъ враждебнаго народу правительства.

Но вотъ послѣдній актъ революціи насталъ, старое правительство свергнуто, и герои-побѣдители объявляютъ всеобщіе выборы въ Учредительное собраніе. Они прежде всего, конечно, выставляютъ **своихъ** кандидатовъ; но кто будетъ голосовать за этихъ кандидатовъ? Ничтожное меньшинство недавнихъ побѣдителей. Но, вѣдь, побѣдивъ они дали одинаковыя права и равнодушнымъ, жаждущимъ покоя и благополучія, и своимъ врагамъ, сторонникамъ свергнутаго правительства, и конечно, роковымъ образомъ, недавніе побѣдители, предъ которыми всѣ трепетали, пока они дѣйствовали съ оружіемъ въ рукахъ, обращаются въ ничтожную, жалкую кучку побѣжденныхъ, какъ только они, вмѣсто оружія, выступаютъ съ бюллетенями въ рукахъ. Вѣдь, десятокъ жалкихъ трусовъ, сидѣвшихъ въ подвалѣ, пока надъ городомъ разрывались шрапнели и свистѣли пули правительственныхъ войскъ, съ бюллетенями въ рукахъ въ десять разъ сильнѣе одного баррикаднаго бойца, отъ одного движенія бровей кото-

раго еще наканунѣ они мгновенно зарывались съ головой въ подушки.

Хотя мы принципіально враги всякаго парламентаризма и всякихъ выборовъ, хотя бы и всеобщихъ, но разъ они неизбѣжны, то революціонерамъ-государственникамъ слѣдовало бы непремѣнно быть врагами всеобщаго избирательнаго права и установить избирательный цензъ. Собственно можно было бы обойтись безъ излишнихъ формальностей; нужно только, свергнувъ правительство, объявить, что въ избирательныя урны, вмѣсто бюллетеней, требуется класть пару ушей или скальпъ офицера, жандарма, гвардейца, городового, шпіона, околодочнаго, губернатора, полицеймейстера, министра или одного изъ прочихъ безчисленныхъ враговъ народа. Впрочемъ, мы предоставляемъ изобрѣтательности революціонеровъ-государственниковъ замѣнить некультурные скальпы и уши какими-нибудь другими трофеями, съ достаточной ясностью доказывающими, что ихъ обладатели сражались съ оружіемъ въ рукахъ, а не сидѣли въ кустахъ, пока защитники свободы умирали на баррикадахъ. Конечно, тѣмъ или другимъ способомъ революціонный цензъ можно расширить и на другихъ дѣятелей освободительнаго движенія, но во всякомъ случаѣ самая элементарная справедливость требуетъ устроить выборы такъ, чтобы плоды революціи пожали тѣ, кто тратилъ на нее свои силы и свое время, изнывалъ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, проливалъ свою кровь и рисковалъ своей жизнью ради ея торжества, а не равнодушные мѣщане, сидѣвшіе въ кустахъ и подвалахъ въ критическія минуты народныхъ взрывовъ, и не враги революціи, защищавшіе старый режимъ!

VII.

Авторы буржуазной революціи.

Общераспространенное убѣжденіе, что современная русская революція есть революція буржуазная, которое съ такимъ пыломъ пропагандируютъ соціалъ-демократы и не отрицаютъ соціалисты-революціонеры, вытекаетъ непосредственно изъ приверженности этихъ партій къ парламентаризму и къ всеобщему избирательному праву. Что значитъ, что русская революція буржуазна? Означаетъ ли это, что врагами существующаго правительства и руководителями освободительнаго движенія являются по преимуществу крупные промышленники и коммерсанты? Означаетъ ли это, что террористами, дружинниками и агитаторами выступаютъ главнымъ образомъ мелкіе торговцы и идеологи буржуазіи—адвокаты, нотаріусы, врачи, земцы и проч.? Нѣтъ и нѣтъ! Крупные коммерсанты и промышленники — самые смиренные лакеи правительства. Мелкіе торговцы больше фигурируютъ въ рядахъ черной сотни. Адвокаты, журналисты, нотаріусы, врачи и земцы говорятъ, говорятъ, говорятъ — и только. А кто устраиваетъ забастовки, кто громитъ усадьбы купцовъ и кулаковъ-дворянъ? Кто убиваетъ министровъ, губернаторовъ и генераловъ? Кто дерется на баррикадахъ? Кто является единственно реальной физической силой, которая въ концѣ-концовъ раздавитъ и уничтожитъ силу самодержавнаго правительства? Рабочіе, крестьяне, соціалистическая молодежь. Но, быть можетъ, рабочіе, крестьяне и соціалистически настроенная молодежь борется во имя свободы капитализма, свободы безконечнаго накопленія и свободы эксплуатаціи? Быть можетъ, они хотятъ свергнуть само-

державіе потому, что оно является тормазомъ для безпредѣльнаго развитія торговли, промышленности, концентраціи богатствъ и эксплуатаціи? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Нищіе крестьяне, фабричные рабы, юные, самоотверженные идеалисты, кто безсознательно, кто сознательно борется за всеобщее экономическое равенство, за уничтоженіе эксплуатаціи и конкурренціи. Ясно какъ день, что всѣ элементы, составляющіе активную, реальную силу революціи — заклятые враги буржуазіи и ея принциповъ. А между тѣмъ соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры правы: плоды революціи, руководимой ими, пожнутъ буржуа, и прежде всѣхъ ихъ идеологи. Въ учредительномъ собраніи, въ парламентѣ, въ министерствахъ, на всевозможныхъ административныхъ постахъ, въ синдикатахъ, трёстахъ и акціонерныхъ компаніяхъ, при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права, пожнутъ адвокаты, журналисты, нотаріусы, земцы, фабриканты и торговцы сладкіе плоды революціи, политые на баррикадахъ городовъ и среди развалинъ пылающихъ деревень кровью революціонныхъ крестьянъ и рабочихъ и купленные цѣною жизни безкорыстныхъ идеалистовъ, пронизанныхъ солдатскими пулями, или задушенныхъ веревкой палача! Но виноваты въ этой вопіющей несправедливости будутъ доктринеры - государственники: соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, пропагандирующіе спасительность парламентаризма и всеобщаго избирательнаго права.

VIII.

Гасильники революціоннаго духа.

Но, кромѣ этой вины, на государственникахъ, приверженцахъ парламентаризма и всеобщаго избиратель-

наго права, руководителяхъ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ лежитъ еще другая, болѣе тяжкая вина: они губятъ революцію, ограничивая ее своими минимальными программами и тѣмъ подготовляютъ торжество реакціи. Въ пылу битвы, когда еще крѣпокъ и силенъ врагъ, когда хороши всѣ средства, лишь бы они вели къ побѣдѣ, лишь бы они увеличивали силу и число бойцовъ, соціалъ-революціонные и соціалъ-демократическіе генералы, имѣя въ виду парламентъ (шкуру медвѣдя, который еще бѣгаетъ въ лѣсу), больше всего заботятся, какъ бы революціонеры не нарушили интересовъ буржуазныхъ собственниковъ, будущихъ избирателей, не оттолкнули бы ихъ отъ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, и не побудили бы эту бездѣятельную, инертную массу, послѣ побѣды революціонеровъ, передать власть посредствомъ избирательныхъ бюллетеней въ руки друзей свергнутаго правительства. Что касается соціалъ-демократовъ, то еще со временъ Маркса и Энгельса у нихъ незыблемо обоснованъ принципъ неотчуждаемости перемѣннаго капитала, т. е. обязательное сохраненіе за ихъ теперешними владѣльцами запасовъ товаровъ, пищевыхъ продуктовъ, одежды и жилищъ. И вотъ современные русскіе соціалъ-демократы хвастались въ своей прессѣ въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 года, что тамъ, гдѣ ихъ ставленники руководили «аграрными безпорядками», (голодные) крестьяне не поживились ни однимъ пудомъ хлѣба, не полакомились ни однимъ барашкомъ. Все въ сохранности было передано соціалъ-демократами прибывшимъ для усмиренія властямъ!

Но не лучше ихъ и соціалисты-революціонеры. Такъ, руководители польской соціалистической партіи объяв-

ляютъ преступленіемъ нападеніе на имущество частныхъ лицъ, и ея члены, рискуя жизнью остановившіе почтовый поѣздъ, оставили нетронутыми сотни тысячъ, пересылаемыя милліонерами-купцами другъ другу и забрали только казенные пакеты, какъ будто милліоны, награбленные фабрикантами, не добыты тѣмъ же потомъ и кровью, которыми добыты милліарды, награбленные государствомъ. А наши соціалисты-революціонеры не устаютъ распространяться на тему, что русскіе рабочіе еще не дозрѣли до соціализма, и что объ экспропріаціи фабрикъ нечего и думать. Даже землю, эту альфу и омегу вожделѣній русскаго мужика, они предпочли бы «передать» крестьянамъ рукою «Государственной Думы», избранной всеобщимъ голосованіемъ, и только отчаявшись произвести государственный переворотъ, призывая крестьянъ къ политической борьбѣ за свободы, скрѣпя сердце, стали они призывать его къ захвату земли, не теряя втайнѣ надежды распорядиться этой землей по своему усмотрѣнію, какъ только утвердится сильная власть «революціоннаго правительства».

Но всего трогательнѣе было видѣть на нѣкоторыхъ московскихъ баррикадахъ въ декабрѣ 1905 года надпись: «Смерть ворамъ»! Развѣ для защиты собственности взялись за оружіе дружинники? Развѣ не тѣ же слова съ большимъ правомъ могли бы начертать на своихъ знаменахъ жандармы и полицейскіе?

Въ дѣлѣ революціонной тактики хорошій примѣръ даетъ царское правительство. Ему не нужны ни учредительное собраніе, ни парламентъ, ни голоса мелкихъ или крупныхъ фабрикантовъ и торговцевъ, ни сочувствіе инертной буржуазной массы, и оно безъ стѣсненій громитъ пушками дома, поджигаетъ фабрики, устилаетъ мо-

стовыя городовъ тысячами труповъ разорванныхъ шрапнелью обывателей, ихъ женъ и дѣтей; ему нужны только полиція и солдаты, и оно позволяетъ тѣмъ и другимъ грабить обывателей среди бѣлаго дня, залѣзать въ ихъ карманы и врываться въ ихъ жилища; отдаетъ деревни и цѣлые города на разгромъ казацкихъ и солдатскихъ шаекъ. Правительственный солдатъ и сытъ, и пьянъ, и носъ у него въ табакѣ... И что же—солдаты вѣрой и правдой служатъ царскому правительству, и оно себѣ держится и держится!..

А корректные революціонеры, оберегающіе частную собственность и старающіеся заслужить симпатіи мелкихъ и крупныхъ буржуа, голодные и холодные, безъ денегъ, и безъ оружія, принуждены отступать по всей линіи...

Еще 60 лѣтъ тому назадъ, при обстоятельствахъ, аналогичныхъ нашимъ, Берне сказалъ: «Мы должны отречься отъ всякой умѣренности въ словахъ и дѣйствіяхъ. Пусть свобода будетъ отдѣлена отъ насъ цѣлымъ моремъ крови, мы все-таки достанемъ ее; пусть она лежитъ въ непролазной грязи—мы и оттуда вытащимъ ее. Да, мечъ противъ меча, предательство противъ предательства, грязь противъ грязи, собачій лай противъ собачьго лая. Свобода должна имѣть своихъ іезуитовъ и своихъ наемныхъ убійцъ».

IX.

Хлѣбъ и революція.

Прежде всего для того, чтобы завоевать свободу и равенство для всѣхъ, нуженъ хлѣбъ. Голодный революціонеръ заранѣе обреченъ на пораженіе. Всякая рево-

люція неизбѣжно вызываетъ промышленный кризисъ. Желѣзныя дороги останавливаются, порты бездѣйствуютъ, фабрики и заводы прекращаютъ производство, торговля останавливается. Чѣмъ дальше вглубь идетъ революція, чѣмъ безпощаднѣе разрушаетъ она основы буржуазнаго строя, тѣмъ все большее и большее число безработныхъ выбрасывается на улицу, пока нищета и голодъ не доходятъ до ужасающей степени. Такъ было во всѣ политическія революціи.

«Это жирондисты морятъ насъ голодомъ», думали въ парижскихъ предмѣстьяхъ въ 1793 году, и жирондисты были гильотинированы.

«Мы голодаемъ, потому что булочники скупаютъ хлѣбъ», рѣшили санкюлоты,—и булочники отправились вслѣдъ за жирондистами. Потомъ взялись за заговорщиковъ-роялистовъ. Ихъ гильотинировали по двѣнадцати въ день, служанокъ вмѣстѣ съ герцогинями, въ особенности служанокъ, такъ какъ герцогини были въ Кобленцѣ.

Но если бы гильотинировали по сто герцоговъ и виконтовъ въ день, то и тогда ничего бы не измѣнилось. Нищета все возрастала, такъ какъ, чтобы жить, нужно получать жалованье, а чтобы получать жалованье, нужно имѣть работу; работы же не было.

Богатые, между тѣмъ, припрятавъ свои капиталы, жили припѣваючи. Мало-по-малу, видя, что и революціонное правительство охраняетъ собственность, реакціонеры становились все смѣлѣе; они выползали изъ укромныхъ мѣстъ и, дразня рабочихъ своимъ сытымъ и нарядным видомъ, нашептывали ему на ухо: «Хорошо идетъ ваша революція! Еще никогда вы не были такъ несчастны, какъ теперь. Не довольно-ли глупостей? Что вы выиграли отъ революціи? Давно пора съ нею

покончить»!... Со стѣсненнымъ сердцемъ, потерявшій всѣ надежды, революціонеръ приходилъ къ безотрадному заключенію, что революція не удалась, и возвращался въ свою лачугу, оставляя политику на произволъ судьбы.

Тогда реакція высокомѣрно поднимала голову. Она дѣлала свой государственный переворотъ. Ей послѣ смерти революціи оставалось только растоптать ея трупъ и его растаптывали. Проливали рѣки крови; бѣлый терроръ рубилъ головы, наполнялъ тюрьмы въ то время какъ шайки казнокрадовъ возобновляли свои оргіи. Вотъ роковой циклъ всѣхъ политическихъ революцій прошлаго.

Въ 1848 году парижскіе рабочіе повергли къ услугамъ республики «три мѣсяца нищеты», а по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, не будучи въ состояніи болѣе терпѣть, безнадежно напрягли въ послѣдній разъ свои силы—и были утоплены въ собственной крови.

И въ 1871 году коммуна умерла за недостаткомъ защитниковъ. Бульварные франты дразнили федералистовъ «Ступайте, болваны, чтобы васъ убили за 30 су, пока мы будемъ ѣсть устрицъ!» И «болвановъ», готовыхъ умирать за 50 копѣекъ, становилось все меньше. А въ національномъ банкѣ лежало въ это время $2^1/_2$ милліарда золота, сданнаго нетронутымъ версальцамъ, а послѣ паденія коммуны у поставщиковъ и ресторановъ оказались запасы продуктовъ, которыхъ хватило потомъ еще на полгода для всего Парижа.

Совѣтъ коммуны, набранный изъ самыхъ честныхъ соціалистовъ, не забылъ издать декретъ объ отдѣленіи церкви отъ государства; но онъ забылъ обезпечить пропитаніе защитникамъ коммуны, ихъ женамъ и дѣтямъ.

Въ послѣдніе дни поняли ошибку, сварили супъ для всѣхъ, но было уже поздно! Версальцы были уже на укрѣпленіяхъ.

Хлѣба, хлѣба нужно прежде всего революціи! Но всякая политическая революція, обрекая революціонеровъ на голодъ и лишенія, заранѣе обречена на неудачу.

Вотъ почему, какъ мы уже сказали, соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры, трубящіе на всѣхъ перекресткахъ, что наша революція политическая, буржуазная, порицающіе экспропріацію, осуждающіе на казнь голодныхъ рабочихъ за реквизицію съѣстныхъ припасовъ,—служа революціи своими дѣлами, губятъ ее своими дэктринами и подготовляютъ торжество контръ-революціи.

X.

Роль истиннаго революціонера въ русской революціи.

Удачной можетъ быть только соціальная революція. Гарантія ея успѣха не столько въ физіологическомъ значеніи довольства и сытости, которыя съ первыхъ же дней она доставитъ революціонерамъ, сколько въ безконечномъ расширеніи круга ея защитниковъ.

«Земля», поставленная на знамени соціалистовъ-революціонеровъ, привела бы подъ ихъ знамена 80 милліоновъ крестьянъ, если бы они не затемнили этотъ внятный сердцу каждаго, даже самаго неразвитого и безсознательнаго мужика, лозунгъ непонятными и чуждыми для рядового крестьянства призывами къ борьбѣ за свободу слова, собраній и союзовъ, за Учредительное собраніе и за Думу, черезъ которые, и только съ ихъ рѣшенія мужикъ невѣдомо когда получитъ землю.

Уничтоженіе богатствъ, экспропріація продуктовъ, одежды и жилищъ, всеобщее экономическое равенство—«хлѣбъ и довольство для всѣхъ», поставленные на знаменахъ анархистовъ, объединятъ подъ этими знаменами безчисленные милліоны голодныхъ и недовольныхъ, безъ различія сословій, образованія. сознательности, пола и возраста.

Только эта колоссальная масса, объединенная не партійной іерархіей, а единствомъ негодованія и надеждъ, руководимая не генералами отъ революціи, засѣдающими въ центральныхъ комитетахъ, а здоровыми и цѣлесообразными инстинктами разрушенія и творчества—смететъ до основанія весь обветшавшій строй и создастъ на его развалинахъ новую жизнь. Анархисты нераздѣльно сольются съ этой массой; но не для того, чтобы захватить власть надъ нею, чтобы навязать ей ту или другую программу-минимумъ, но чтобы неустанно повторять: «Не вѣрьте никакимъ спасителямъ и «друзьямъ народа! Вѣрьте самимъ себѣ и бунтуйте сами, не ожидая ни отъ кого приказа и разрѣшенія. Бунтуйте противъ всѣхъ, кто вами управляетъ или стремится управлять и, свергнувъ однихъ тирановъ и эксплуататоровъ, не вручайте другимъ своей судьбы, а сами устраивайте ее по своему усмотрѣнію. Помните всегда, что земля ваша, что фабрики и заводы—ваши, что лѣса и воды, рудники и шахты—ваши, что желѣзныя дороги, пароходы, телефоны и телеграфы—ваши, что всѣ накопленные богачами товары и продукты—ваши, и что вамъ, никому болѣе, принадлежитъ право пользоваться и распоряжаться ими такъ, чтобы они никогда болѣе не попали въ руки праздныхъ тунеядцевъ!»

Мы не льстимъ себя надеждой на близкое торжество

соціальной революціи. Предразсудки государственниковъ слишкомъ распространены. Ученіе соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ ближе широкимъ буржуазнымъ кругамъ, пополняющимъ ряды этихъ партій, чѣмъ анархическій коммунизмъ. Послѣ паденія самодержавія власть на время неизбѣжно попадетъ въ руки этихъ партій, и горькая чаша политическихъ разочарованій не минетъ русскаго народа: наши ряды слишкомъ рѣдки, чтобы помѣшать этому теперь же!

Но когда гонимые займутъ мѣста гонителей и, въ свою очередь, по роковому закону природы, захвативъ власть, сдѣлаются поработителями и эксплуататорами трудящихся массъ—ихъ покинетъ благородная юность. Пылкое сердце и честная мысль уведутъ ее изъ стана ликующихъ, хотя бы эти ликующіе были соціалисты-революціонеры и соціалъ-демократы,—и поставятъ въ наши ряды.

Тогда часъ соціальной революціи пробьетъ.

В. Гайдамаковъ.

III.

РЕАКЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

ЖЮЛЬ ЭЛИЗАРЪ (М. Бакунинъ).

Отъ издателей.

Предлагаемая читателямъ статья Бакунина, подписанная псевдонимомъ «Jules Elysard», является его первымъ произведеніемъ, написаннымъ на политическую тему. Болѣе раннія произведенія Бакунина посвящены исключительно вопросамъ философскимъ. Появившись въ №№ 247 и 251 «Deutsche Jahrbücher», газеты, издававшейся въ Дрезденѣ въ 1842 году Арнольдомъ Руге, эта статья произвела необыкновенную сенсацію какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ русскихъ литературно-философскихъ кругахъ того времени. Герценъ писалъ о ней въ своемъ дневникѣ: «Художественно-превосходная статья! и это чуть ли не первый французъ (Герценъ не зналъ, что этотъ французъ—Бакунинъ), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это—громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи..... Вся статья отъ доски до доски замѣчательная».

Бѣлинскій, упоминая объ этой же статьѣ въ письмѣ къ Боткину отъ 7 ноября 1842 года, говоритъ: «До меня дошли хорошіе слухи объ М., и я написалъ къ нему письмо..... Странно: я и М. искали Бога по разнымъ путямъ и сошлись въ одномъ храмѣ».....

Арнольдъ Руге, извѣстный общественный дѣятель въ Германіи сороковыхъ годовъ, писалъ объ Бакунинѣ и его статьѣ: «Этотъ симпатичный молодой человѣкъ пре-

восходитъ всѣхъ старыхъословъ въ Берлинѣ.... Если бы онъ напечаталъ свою статью не подъ псевдонимомъ, онъ давно-бы уже обратилъ на себя вниманіе дипломатіи, такъ какъ въ этой статьѣ отразился весь характеръ Бакунина и дальнѣйшее развитіе его мышленія, до соціалъ-демократическаго включительно. Правда, статья была написана такимъ философскимъ языкомъ, который не такъ-то легко могло бы раскусить тупоумное русское посольство въ Дрезденѣ.

«Только въ научной оболочкѣ возможно было тогда писать съ такой рѣзкой діалектикой и откровенностью, съ какой молодой ученый (Бакунинъ) предвѣщалъ погибель сгнившимъ порядкамъ. Самъ цензоръ не добрался до смысла этой статьи. А между тѣмъ, когда мы читаемъ ее теперь *) и объясняемъ при помощи великихъ событій нашего времени, статья эта приводитъ насъ невольно въ изумленіе». .

Приведенные отзывы, быть можетъ, покажутся преувеличенными непосвященнымъ читателямъ. Но нужно помнить, что это отзывъ людей 40-хъ годовъ, до мозга костей проникнутыхъ гегеліанствомъ. Цѣлыя страницы, посвященныя манипуляціямъ съ гегелевскими категоріями положенія и противоположенія, отрицанія и отрицанія-отрицанія, при посредствѣ которыхъ Бакунинъ старается доказать сознательнымъ врагамъ народа, что они должны сдѣлаться его друзьями, пожалуй, покажутся не имѣющими права на существованіе современнымъ читателямъ, выбросившимъ за бортъ, какъ ненужный хламъ, всякую метафизику, и Гегелевскую въ томъ числѣ. Но намъ, ученикамъ великаго учителя, дорогъ этотъ первый опытъ безсмертнаго генія революціи. Въ немъ

*) Замѣтка Руге относится къ 1876 г.

отразилась его юность, «розовая и мечтательная, заставившая его идти съ проповѣдью братства во дворцы тирановъ».

Но уже и здѣсь, въ началѣ поприща, какъ это часто бываетъ въ жизни геніевъ, одиноко возвышающихся въ пустынѣ исторіи, получила свое выраженіе идея, прошедшая потомъ руководящей нитью черезъ всю его жизнь и ставшая девизомъ цѣлаго историческаго теченія. Именно въ этой статьѣ Бакунинъ впервые сказалъ:

«Духъ разрушенія есть созидающій духъ!»

И мы съ любовью извлекли изъ подваловъ Дрезденской библіотеки покрытые пылью XIX вѣка номера «Deutsche Jahrbücher» 1842 года, по мѣрѣ силъ постарались проникнуть въ истинный смыслъ запутанныхъ нѣмецкихъ періодовъ «Jules' я Elysard' а» и теперь печатаемъ полностью это произведеніе, почему-то не вошедшее въ «полное» собраніе сочиненій Бакунина, издаваемое Балашовымъ.

Наградой за этотъ нелегкій трудъ служитъ для насъ сознаніе, что тѣ немногія мѣста, гдѣ сквозь туманъ метафизики прорываются яркіе лучи Бакунинской мысли, и въ наши дни не утратили своего значенія.

Какъ будто вчера написанъ конецъ статьи, гдѣ Elysard, въ отвѣтъ на увѣреніе Столыпиныхъ того времени, что революція кончилась и общество успокоилось, говоритъ: «Нѣтъ! Революціонный духъ не побѣжденъ: онъ только ушелъ въ глубину, послѣ того какъ первымъ своимъ появленіемъ потрясъ до основанія весь міръ; онъ только на время укрылся въ глубинѣ народнаго сознанія, чтобы вскорѣ опять появиться, какъ созидающій творческій геній. Теперь онъ копается, какъ кротъ, подъ землею, и что онъ работаетъ не напрасно,

это вы можете видѣть по безчисленнымъ развалинамъ, которыми уже покрыта наша религіозная, политическая и соціальная почва»,—и дальше:—«Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть грозныхъ явленій, возвѣщающихъ намъ, что духъ революціи, этотъ старый кротъ, почти окончилъ уже свою подземную работу и скоро опять появится на свѣтъ, чтобы произнести свой судъ».

И въ переживаемый нами моментъ «старый кротъ» уже кончилъ свою подземную работу и вотъ-вотъ готовъ выйти на поверхность русской земли. Революція народная, стихійная, еще не начиналась въ Россіи. Были стихійныя массовыя попытки умолить волка блеять по-овечьи. Но день всенародной травли волковъ еще не наступилъ. Пока Россія находится въ процессѣ эволюціи т. е. революціи, совершающейся въ умахъ. Практическія же выступленія предпринимали только организованныя и централизованныя конспиративныя партіи, и эти выступленія, какъ и всѣ имъ подобныя, окончились неудачей. Но всенародное стихійное возстаніе не можетъ быть неудачнымъ, никакія ухищренія власти не остановятъ его ни на одинъ день, и никакія усилія партій не ускорятъ его ни на одинъ часъ, какъ нельзя ни остановить, ни ускорить землетрясенія или изверженія вулкана.

Знакомый мотивъ звучитъ и въ заключительныхъ фразахъ статьи, обращенныхъ къ охранникамъ того времени: «Покайтеся, покайтеся, царствіе Божіе близко»! Они понятны и простительны въ устахъ наивнаго юноши, революціонера 40-хъ годовъ. Но съ тѣхъ поръ прошла половина мучительнаго XIX вѣка. Имущіе власть, безъ колебаній и угрызеній совѣсти, сотни разъ за это время топили въ крови народа его лучшія надежды и порывы, а впавшіе въ дѣтство либералы нашихъ дней

и донынѣ не теряютъ надежды доказать врагамъ народа, что они заблуждаются, что они неправы, предаваясь своей разбойничьей вакханаліи на неостывшихъ трупахъ, и не устаютъ взывать: «Покайтеся, покайтеся»! и приводятъ въ защиту правъ человѣка тысячи логическихъ доводовъ, когда убѣдителенъ только одинъ: поголовное народное возстаніе, подготовкѣ котораго и должны посвятить всѣ свои силы и способности нелицемѣрные друзья народа.

Реакція въ Германіи.

Свобода, завоеваніе свободы—кто можетъ отрицать, что въ этомъ заключается ближайшая задача, которую ставитъ предъ нами исторія? Друзья и враги должны будутъ согласиться съ этимъ, такъ какъ никто вѣдь не рѣшится смѣло и открыто признать себя врагомъ свободы. Но, къ сожалѣнію, существуетъ множество людей у которыхъ свобода только на языкѣ, въ глубинѣ же души они не вѣрятъ въ свободу и не хотятъ ея. Ради пользы дѣла свободы, стоитъ остановиться съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ они того заслуживаютъ, на нѣкоторыхъ разновидностяхъ подобнаго сорта людей. Къ этой категоріи принадлежатъ прежде всего высокопоставленныя, пожилыя и умудренныя опытомъ особы; въ своей молодости они тоже были дилетантами политической свободы, потому что для богатаго и знатнаго человѣка есть нѣкоторое пикантное наслажденіе въ томъ, чтобы говорить о свободѣ и равенствѣ, что дѣлаетъ его къ тому же вдвойнѣ интереснымъ въ обществѣ. Когда же это настроеніе проходитъ вмѣстѣ съ способностью къ юношескому наслажденію жизнью, они стараются скрыть свое физическое и умственное убожество подъ покровомъ словъ «жизненный опытъ», которыми такъ часто злоупотребляютъ. Безразсудно было-бъ пытаться убѣдить ихъ

въ чемъ-нибудь. Они никогда не смотрѣли серьезно на свободу, и свобода никогда не была для нихъ религіей, дающей величайшее наслажденіе и глубочайшее блаженство лишь въ концѣ тяжелаго, скорбнаго пути, требующаго безусловнаго самоотреченія. Ихъ можно просто скинуть со счетовъ, такъ какъ къ тому-же они стары, и волей-неволей скоро умрутъ.

Но, къ несчастію, есть много молодыхъ людей, которые раздѣляютъ съ ними тѣ же убѣжденія или, скорѣе, тотъ же недостатокъ всякихъ убѣжденій. Эти люди принадлежатъ большею частью или къ аристократіи, политически уже сыгравшей свою роль въ Германіи, или къ высшей буржуазіи и чиновничеству. Они такъ же мертвы для свободы, какъ и первые, даже болѣе, такъ какъ у первыхъ въ началѣ поприща была хоть тѣнь жизни, а эти пришли въ міръ гальванизированными трупами. Погруженные съ головой въ свои мелочные интересы наживы или тщеславія, вполнѣ захваченные повседневными заботами, они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о жизни, о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ; такъ что если бы имъ не пришлось слышать въ школѣ кое-что объ исторіи и о развитіи человѣческаго духа, то они навѣрное думали бы, что міръ никогда не былъ инымъ, чѣмъ онъ есть теперь. Это натуры безцвѣтныя, призрачныя; они не могутъ принести ни вреда ни пользы; съ ихъ стороны намъ опасаться нечего, потому что только живое можетъ дѣйствовать, намъ-же некогда терять время, чтобы хоронить мертвецовъ.

Но есть третья категорія—это противники самаго принципа революціи: члены реакціонной партіи, возникшей въ Европѣ послѣ реставраціи и наложившей свою печать на всѣ проявленія человѣческаго духа.

Въ политикѣ вліяніе этой партіи сказалось консерватизмомъ, въ юридической наукѣ реакція создала такъ называемую историческую школу и въ умозрительной наукѣ позитивную философію. Съ людьми этой партіи мы принуждены бороться; было бы глупо съ нашей стороны игнорировать ихъ и дѣлать видъ, какъ будто мы не придаемъ имъ значенія. Наоборотъ, мы откровенно сознаемся, что эта партія теперь господствуютъ повсюду и является правящей, и еще болѣе того: мы признаемъ, что ея настоящее могущество не есть игра случая, а имѣетъ свою глубокую причину въ развитіи современнаго духа. Вообще происхожденія ни одной изъ движущихъ силъ исторіи я не приписываю случайности; исторія есть свободное, но въ то же время и необходимое развитіе свободнаго духа; и называя случайнымъ настоящее господство реакціонной партіи, я оказалъ бы этимъ плохую услугу демократическому символу вѣры, который основывается единственно на безусловной свободѣ духа, несовмѣстимой съ случайностью или произволомъ. Ложное успокоеніе было-бы для насъ тѣмъ болѣе опасно, что мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще очень далеки отъ пониманія истиннаго положенія вещей, и часто въ невѣдѣніи дѣйствительнаго источника нашей силы и истинной природы нашего врага—мы или совершенно теряемъ мужество, удрученные печальной картиной повседневности, или—что можетъ быть еще хуже—такъ какъ удрученное состояніе все равно не можетъ долго длиться у живого человѣка,—мы предаемся непонятному мальчишескому и безплодному задору. Ничто не можетъ быть полезнѣе для демократической партіи, какъ откровенное сознаніе ея мгновенной слабости и относитель-

ной силы ея противника; только обладая правильнымъ представленіемъ о своихъ силахъ, можетъ она спуститься съ заоблачныхъ высотъ утопіи къ реальной дѣйствительности, въ условіяхъ которой она должна жить, страдать и въ концѣ-концовъ побѣдить. Вслѣдствіе яснаго сознанія своихъ силъ, ея воодушевленіе сдѣлается болѣе стойкимъ и цѣлесообразнымъ; и только тогда, когда изъ болѣзненныхъ соприкосновеній съ дѣйствительностью она извлечетъ ясное представленіе о своей цѣли и своихъ обязанностяхъ, когда изъ безконечныхъ затрудненій, которыя повсюду стоятъ на ея пути и вытекаютъ не только изъ обскурантизма ея противника, какъ она часто склонна думать, но и изъ сложности человѣческихъ интересовъ, — демократическая партія выяснитъ недостатки, она пойметъ, что ея врагъ находится не внѣ, а въ ней самой, и что она должна начать съ побѣды надъ этимъ внутреннимъ врагомъ; только когда она убѣдится въ томъ, что задача демократіи заключается не въ оппозиціи существующимъ правительствамъ, не въ борьбѣ за конституцію или политико-экономическія реформы, которыя всегда есть компромиссъ, а въ полномъ разрушеніи существующаго строя и въ созданіи на его развалинахъ новой жизни, никогда не виданной въ исторіи; только когда она пойметъ, что идея демократіи есть идея религіозная и что какъ таковой ею должны быть проникнуты не только мысли, но также и чувства и поступки — все до мельчайшихъ проявленій жизни,—только тогда демократическая партія побѣдитъ міръ.

Слѣдовательно, мы должны откровенно сознаться, что настоящая сила реакціонной партіи не случайна, а необходима; причина этого лежитъ не въ недостаткахъ

демократическаго принципа (послѣдній заключается въ осуществленіи среди людей свободы и равенства и есть, слѣдовательно, самое завѣтное, всеобщее и всеобъемлющее, однимъ словомъ единственное себѣдовлѣющее свойство духа), но въ недостаткахъ демократической партіи, въ сознаніи которой еще не выяснились положительные элементы, вытекающіе изъ основного принципа, и она поэтому существуетъ только какъ отрицаніе реальной дѣйствительности. Какъ таковое, какъ только отрицаніе, она несомнѣнно имѣетъ всю полноту жизни внѣ себя, полноту, которую она не можетъ развить изъ своего принципа, ею самою понимаемаго почти отрицательно.

Поэтому она до сихъ поръ только партія, а не живая дѣйствительность, будущее, а не настоящее. Уже то, что демократы образуютъ только партію, и къ тому же, какъ то видно по всѣмъ ея выступленіямъ, партію слабую, и что они, какъ партія, заставляютъ предполагать существованіе другой, противоположной имъ сильной партіи, уже это одно должно было бы навести ея членовъ на мысль о наличности какого-то существеннаго внутренняго несовершенства. По своей сущности, по своему принципу демократическая партія должна представлять нѣчто всеобщее, всеобъемлющее; въ дѣйствительности-же какъ партія, она есть только отрицательное внѣбытіе, чему противостоитъ другое положительное внѣбытіе. Все значеніе и неудержимое стремленіе отрицательнаго заключается въ томъ, чтобы погубить положительное, но вмѣстѣ съ положительнымъ оно губитъ и себя, поскольку то и другое адэкватно по формѣ. Демократизмъ не существуетъ еще какъ себѣдовлѣющая самосущность, онъ существуетъ лишь какъ

отрицаніе положительнаго и поэтому въ такой несовершенной формѣ онъ долженъ погибнуть вмѣстѣ съ положительнымъ, чтобы обновленнымъ свободно возродиться во всей своей жизненной полнотѣ. И это внутреннее измѣненіе демократической партіи не будетъ только количественной перемѣной, т. е. не только выходить изъ ея нынѣшняго обособленнаго и поэтому безплоднаго существованія—сохрани Богъ!—конечнымъ результатомъ подобной поверхностной метаморфозы было бы абсолютное ничтожество, — нѣтъ, рѣчь идетъ о качественномъ измѣненіи въ самой сущности; рѣчь идетъ о новомъ животворящемъ откровеніи, о новомъ небѣ и новой землѣ, юномъ и чудесномъ мірѣ, въ которомъ всѣ нынѣшніе диссонансы разрѣшатся въ гармоническомъ единствѣ.

Еще менѣе можно помочь несовершенству демократической партіи, устранивъ односторонность ея существованія, какъ партіи, посредствомъ компромисса съ положительнымъ; это было бы тщетнымъ усиліемъ, потому что положительное и отрицательное разъ и навсегда несовмѣстимы другъ съ другомъ; отрицательное, взятое отдѣльно само по себѣ, какъ противоположность положительному, кажется безсодержательнымъ и безжизненнымъ, и эта кажущаяся безсодержательность есть главный упрекъ, который реальные политики дѣлаютъ демократамъ; но упрекъ этотъ основывается лишь на недоразумѣніи, потому что отрицательное, какъ нѣчто отдѣльное, было бы ничто; оно существуетъ только какъ противоположность положительнаго; все его жизненное содержаніе заключается только въ разрушеніи положительнаго. «Революціонная пропаганда, говоритъ Пентархистъ, по своему внутреннему содержанію есть отрицаніе су-

ществующаго государственнаго строя; и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ разрушеніемъ существующаго». Но возможно ли, чтобы нѣчто, вся жизнь котораго есть одно разрушеніе, могло бы вступить въ мирное сожительство съ объектомъ своей разрушительной дѣятельности? Такъ могутъ думать только равнодушные межеумки, не относящіеся серьезно ни къ положительному, ни къ отрицательному.

Реакціонная партія раздѣляется теперь внутри самой себя на два главные отдѣла: на чистыхъ, послѣдовательныхъ реакціонеровъ и на реакціонеровъ непослѣдовательныхъ, склонныхъ къ компромиссамъ; первые принимаютъ противоположность во всей чистотѣ; они ясно сознаютъ, что положительное и отрицательное точно такъ же не допускаютъ между собой посредниковъ, какъ огонь и вода, и такъ какъ они не видятъ въ отрицательномъ никакихъ положительныхъ свойствъ и слѣдовательно не могутъ понять цѣнности отрицательнаго, то совершенно правильно заключаютъ изъ этого, что отрицательное должно быть искоренено, а положительное должно поддерживаться всѣми находящимися въ его распоряженіи силами. При этомъ они не видятъ, что положительное только до тѣхъ поръ остается тѣмъ положительнымъ, которое они защищаютъ, пока ему противопоставляется отрицательное, и что слѣдовательно оно, въ случаѣ полной побѣды надъ отрицательнымъ, будетъ уже вовсе не положительнымъ, а скорѣе довершеніемъ отрицательнаго, что они этого не видятъ, для нихъ простительно,—такъ какъ слѣпота составляетъ главную характерную черту всего положительнаго, а проницательность свойственна только отрицательному. Въ наше скверное время, когда столь многіе стараются закрыть глаза

на неизбѣжные выводы изъ основныхъ принциповъ ихъ подленькаго міросозерцанія, чтобы сохранить видимость порядочности и избѣгнуть презрѣнія передовыхъ элементовъ общества—надо быть очень благодарными этимъ господамъ. Они искренни, честны, они хотятъ быть вполнѣ людьми. Много говорить съ ними не приходится, потому что они глухи къ доводамъ разума и даже вовсе не хотятъ ихъ слушать. Не легка ихъ жизнь теперь, когда повсюду распространился анализирующій ядъ отрицательнаго, — имъ становится все труднѣе и труднѣе держаться въ сферѣ абсолютно положительнаго, такъ какъ имъ приходится бояться даже самихъ себя, логики своего собственнаго разума, благодаря которой малѣйшая попытка доказать свои убѣжденія обращается въ опроверженіе послѣднихъ. Они очень хорошо сознаютъ все это, и потому бранятся тамъ, гдѣ они должны были бы доказывать; и все-таки они честные и цѣльные люди, или, вѣрнѣе, они хотятъ быть честными и вполнѣ цѣльными людьми; такъ же какъ и мы, они ненавидятъ все половинчатое, потому что они знаютъ, что только цѣльный человѣкъ можетъ быть добрымъ и честнымъ, половинчатость же есть источникъ всякихъ гнусностей.

Эти фанатическіе реакціонеры обвиняютъ насъ въ ереси; если бы было возможно, они бы, можетъ быть, вызвали подземную силу инквизиціи изъ арсеналовъ исторіи, чтобы употребить ее противъ насъ; они отказываютъ намъ во всемъ добромъ, во всемъ человѣчномъ; они видятъ въ насъ воплощенныхъ антихристовъ, противъ которыхъ всякое средство дозволено. Будемъ ли мы платить имъ тою же самою монетой? Нѣтъ, это было бы недостойно насъ и того великаго дѣла, которому мы служимъ. Великіе принципы, на слу-

женіе которымъ мы себя посвятили, даетъ намъ между многими другими привилегіями цѣнное преимущество быть справедливыми и безпристрастными, нисколько не вредя этимъ нашему дѣлу. Все одностороннее и партійное не можетъ пользоваться истиной какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, такъ какъ истина по своему существу есть отрицаніе всякой односторонности; и фанатизмъ и ненависть необходимые атрибуты всякой партійности и односторонности, потому что ни то ни другое не можетъ утвердиться иначе, какъ насильственнымъ уничтоженіемъ всѣхъ другихъ, ему противоположныхъ и такихъ же полноправныхъ односторонностей. Уже однимъ своимъ существованіемъ односторонность предполагаетъ существованіе другихъ односторонностей, и однако, по сущности своей природы, она должна ихъ исключить, чтобы удержаться самой. Это противорѣчіе есть проклятіе, тяготѣющее надъ нею, прирожденное проклятіе превращающее всѣ свойственныя человѣку, какъ таковому, добрыя чувства въ ихъ прямую противоположность.

Мы несравненно счастливѣе въ этомъ отношеніи. Какъ партія, мы стоимъ противъ реакціонныхъ партій и сражаемся съ ними; въ пылу борьбы и въ насъ также пробуждаются всѣ дурныя страсти; поскольку мы принадлежимъ къ партіи, мы также очень часто бываемъ пристрастны и несправедливы; но вѣдь мы не только противоположная положительнымъ отрицательная партія; наша партія, кромѣ того, является носительницей всеобъемлющаго принципа безусловной свободы, который заключаетъ въ себѣ все доброе, что только есть въ положительномъ, и который возвышается какъ надъ положительнымъ, такъ и надъ нами самими, какъ пар-

тіей. Какъ партія, мы занимаемся только политикой; и у насъ не было бы никакого преимущества надъ партіей реакціонной, не лежи въ основѣ нашей дѣятельности великій принципъ свободы. Поэтому мы хотя-бы изъ чувства самосохраненія должны оставаться вѣрными нашему принципу, какъ единственному основанію нашей силы и нашей жизни, т. е. мы должны непрестанно одухотворять прозу повседневной политической жизни религіознымъ духомъ всеобъемлющаго принципа свободы.

Не только политично должны мы поступать, но все наше поведеніе должно быть также и религіозно, религіозно въ смыслѣ свободы, единственное истинное выраженіе которой есть справедливость и любовь. Да, намъ однимъ, называемымъ врагами христіанской религіи, намъ однимъ предоставлено и даже вмѣнено въ высокую обязанность, даже въ пылу самой жаркой борьбы, осуществлять возвышеннѣйшую заповѣдь Христа, составляющую истинную сущность христіанства.

Итакъ, будемъ справедливы и къ нашимъ врагамъ и признаемъ, что они дѣйствительно отремятся желать добра, даже что они по своей природѣ призваны къ добру, къ жизненному творчеству и только благодаря какому-то непонятному злому року уклонились отъ своего истиннаго назначенія. Мы не говоримъ о тѣхъ, которые примкнули къ ихъ партіи только изъ-за матеріальныхъ выгодъ или чтобы дать просторъ своимъ дурнымъ страстямъ. Къ несчастію, есть много Тартюфовъ во всѣхъ партіяхъ; но мы говоримъ только объ искреннихъ сторонникахъ «реальной политики».

Въ абсолютномъ принципѣ свободы многіе видятъ лишь холодную и трезвую абстрактность, исключающую все живое, прекрасное, святое. Распространенію этого

взгляда не мало способствовали его трезвые и сухіе защитники. Они забываютъ, что этотъ принципъ нельзя смѣшивать съ его настоящимъ, призрачнымъ, только отрицательнымъ бытіемъ, и что онъ можетъ побѣдить и восторжествовать только какъ живое самоутвержденіе, имѣющее уничтожить какъ отрицательное, такъ и положительное. Они думаютъ, что отрицательное стремится распространиться какъ таковое, и полагаютъ, въ чемъ съ ними вполнѣ согласны и мы, что распространеніе его было бы опошленіемъ всего духовнаго міра; въ то же время непосредственное чувство влечетъ ихъ къ живой, полной жизни, и такъ какъ въ отрицательномъ они находятъ только опошленіе ея, то они возвращаются назадъ къ прошедшему, къ тому прошедшему, какимъ оно было еще до возникновенія противоположенія между отрицательнымъ и положительнымъ. Они правы, поскольку это прошедшее было дѣйствительно живымъ и цѣлостнымъ, и какъ таковое оно кажется гораздо богаче и жизненнѣе, чѣмъ разрозненное настоящее; но ихъ великая ошибка состоитъ въ томъ, что они полагаютъ, будто бы они могутъ возстановить въ настоящемъ эту прошедшую жизненность; они забываютъ, что цѣлостность минувшаго для нихъ существуетъ теперь лишь подъ видомъ анализирующаго и расколотаго рефлекса нынѣ существующаго, неизбѣжнаго и возникшаго изъ самого себя противорѣчія, и что какъ цѣлостность, она есть только бездушный, т. е. предоставленный механическому и химическому процессу разложенія трупъ самой себя. Какъ приверженцы слѣпого позитивизма, они не понимаютъ этого; но какъ живые по своей натурѣ люди, они очень хорошо чувствуютъ безнадежность своего положенія, и такъ какъ имъ чуждо сознаніе, что уже самымъ фак-

томъ своей положительности они обусловливаютъ существованіе отрицательнаго, то они сваливаютъ всю отвѣтственность за раздирающее ихъ противорѣчіе и за невозможность удовлетворить свойственное и имъ стремленіе къ жизни и правдѣ—на отрицательное. Это необходимый внутренній процессъ во всякомъ послѣдовательномъ позитивистѣ *); поэтому я и говорю, что они по истинѣ достойны сожалѣнія, такъ какъ источникъ ихъ стремленій почти всегда честный.

Позитивисты-опортюнисты занимаютъ совсѣмъ другое положеніе. Они отличаются отъ послѣдовательныхъ съ одной стороны тѣмъ, что еще болѣе, чѣмъ послѣдніе, изъѣдены рефлективной болѣзнью времени, и не только не отвергаютъ безусловно отрицательное, какъ абсолютное зло, но готовы даже признать за нимъ относительное, временное право на существованіе; съ другой стороны, имъ не достаетъ той прямоты, которой отличаются послѣдовательные, безпощадные позитивисты въ своихъ поступкахъ и сужденіяхъ и которую мы отмѣтили какъ признакъ цѣльной и честной натуры. Точку зрѣнія опортюнистовъ мы можемъ, наоборотъ, назвать точкой зрѣнія теоретической нечестности, я говорю—теоретической, потому что очень желалъ бы избѣжать всякаго личнаго обвиненія въ нечестности практической, и потому что я не думаю, чтобы личная злая воля могла тормазить развитіе духа; хотя нужно сознаться, что теоретическая нечестность, по необходимости, почти всегда переходитъ въ практическую.

*) Позитивистами обыкновенно называютъ послѣдователей Огюста Конта, но Бакунинъ употребляетъ это слово въ его грамматическомъ смыслѣ: позитивисты т. е. положительные приверженцы и защитники существующаго строя въ противоположность отрицательнымъ—«демократамъ»,—стремящимся его свергнуть.

Позитивисты-опортюнисты умнѣе и проницательнѣе, чѣмъ послѣдовательные; они—мудрецы, теоретики par excellence, и въ ихъ рукахъ всѣ нити реальной политики. Мы могли бы примѣнить къ нимъ то, что въ началѣ Іюльской революціи было сказано въ одной французской газетѣ о представителяхъ центра (Juste-milieu): «Лѣвая говоритъ: дважды два четыре, правая говоритъ: дважды два шесть, а центръ говоритъ: дважды два пять». Но они разсердились бы на насъ за это, и поэтому попытаемся изслѣдовать ихъ запутанную и многосложную сущность со всею серьезностью и съ глубочайшимъ почтеніемъ передъ ихъ мудростью. Съ ними гораздо труднѣе справиться, чѣмъ съ послѣдовательными; эти послѣдніе знаютъ и въ ясныхъ выраженіяхъ говорятъ о томъ, чего хотятъ; такъ же какъ и мы, они ненавидятъ всякую неопредѣленность, всякую неясность, потому что они, какъ практическія, энергичныя натуры, могутъ свободно дышать только въ чистомъ и ясномъ воздухѣ. Съ опортюнистами дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: они хитры, о, они мудры! Они никогда не позволяютъ непосредственному порыву къ истинѣ разрушить искусственное зданіе ихъ теорій; они слишкомъ опытны, слишкомъ умны, чтобы снизойти до того, чтобы прислушиваться къ голосу простой человѣческой совѣсти. Съ высоты своей точки зрѣнія они смотрятъ на нее сверху внизъ, и когда мы говоримъ, что только простое истинно и жизненно, такъ какъ только ему одному присуща творческая сила, то они, наоборотъ, утверждаютъ, что истинно только сложное, потому что имъ стоило величайшаго труда собрать все вмѣстѣ, и еще потому, что сложность производимыхъ ими комбинацій единственный признакъ, по которому ихъ, умныхъ людей, можно отличить отъ

глупой и необразованной черни. Съ ними очень трудно справиться уже потому, что имъ все извѣстно; потому что, какъ опытные люди, они считаютъ непростительною слабостью удивляться чему-нибудь; потому что со своими разсужденіями они проникли во всѣ уголки физической и духовной вселенной, и главнымъ образомъ потому, что они, послѣ этого долгаго и труднаго рефлективнаго путешествія, пришли къ убѣжденію, что міръ реальный, дѣйствительная жизнь не заслуживаютъ того, чтобы съ ними считаться. Придти съ этими людьми къ какому-нибудь опредѣленному соглашенію трудно, почти невозможно, потому что они, какъ нѣмецкія конституціи, правой рукой берутъ назадъ то, что даютъ лѣвой; они никогда не отвѣчаютъ «да» или «нѣтъ», они говорятъ: «нѣкоторымъ образомъ вы правы, но, однако»... а когда имъ нечего уже больше сказать, то они говорятъ: «Да, это дѣло щекотливое».

И все-таки мы попытаемся войти съ ними въ сношенія. Партія опортюнистовъ, несмотря на свою внутреннюю неустойчивость и неспособность произвести что-нибудь изъ самой себя, въ настоящее время партія сильная, даже сильнѣйшая, само собою разумѣется, по своей многочисленности, а не по содержанію; она представляетъ одно изъ самыхъ важныхъ знаменій времени, и потому нельзя ее игнорировать и обходить.

Вся ихъ мудрость состоитъ въ томъ, что они утверждаютъ, что два противоположныя направленія уже какъ таковыя односторонни и поэтому невѣрны; если же два члена противоположенія сами по себѣ, отвлеченно взятые, не вѣрны, то надо установить между ними посредничество, чтобы достигнуть истины. Это разсужденіе кажется почти неопровержимымъ; вѣдь мы сами согла-

сились, что отрицательное, если оно противопоставлено положительному и въ этомъ противоположеніи ссылается на себя, то оно односторонне; не должно ли изъ этого необходимо слѣдовать, что оно имѣетъ въ положительномъ свое существенное дополненіе? И не правы ли опортюнисты, желая установить связь между положительнымъ и отрицательнымъ? Да, если эта комбинація возможна. Но дѣйствительно ли она возможна? Уничтоженіе положительнаго не является ли единственной задачей отрицательнаго? Если опортюнисты основываютъ свою точку зрѣнія на природѣ противоположенія, а именно на томъ, что двѣ противопоставленныя односторонности, какъ таковыя, взаимно заставляютъ предполагать другъ друга, то они должны признать и всѣ послѣдствія, вытекающія изъ самой природы противоположенія; они должны сдѣлать это ради послѣдовательности, чтобы остаться вѣрными своей собственной точкѣ зрѣнія, такъ какъ благопріятная для нихъ сторона противоположенія неразрывно связана съ неблагопріятною; а эта неблагопріятная сторона сосотоитъ въ томъ, что предположеніе одного члена посредствомъ другого является процессомъ аналитическимъ, то-есть отрицательнымъ, а не положительнымъ, синтетическимъ. Опортюнистамъ не мѣшалобы проштудировать логику Гегеля, гдѣ такъ хорошо говорится о категоріи противоположенія.

Противоположеніе и его имманентное развитіе составляетъ одинъ изъ главныхъ узловыхъ пунктовъ всей Гегеліанской системы, и такъ какъ эта категорія имѣетъ наиболѣе частое примѣненіе въ современной дѣйствительности, то и Гегель безусловно величайшій философъ настоящаго времени, высочайшая вершина нашего современнаго, односторонне-теоретическаго образованія, и

именно какъ эта вершина, благодаря тому, что онъ понялъ эту категорію и слѣдовательно разрѣшилъ ее—именно благодаря этому онъ положилъ начало необходимому самоанализу современнаго образованія; какъ эта вершина, онъ уже поднялся выше теоріи (оставаясь въ тоже время въ ея предѣлахъ), и постулировалъ новый практическій міръ,— міръ, который можетъ быть довершенъ не формальнымъ примѣненіемъ и распространеніемъ готовыхъ теорій, но лишь свободнымъ творчествомъ практическаго, автономнаго духа. Противоположеніе есть внутренняя сущность не только каждой данной теоріи, но всякой теоріи вообще, и рѣшающимъ моментомъ въ усвоеніи каждой теоріи бываетъ раскрытіе присущаго ей противоположенія. Дальнѣйшимъ шагомъ будетъ уже практическое примѣненіе усвоенной теоріи.

Но здѣсь еще не мѣсто останавливаться подробнѣе на практическомъ примѣненіи теорій; возвратимся къ анализу логической природы противоположенія.

Само противоположеніе, какъ заключающее въ себѣ два односторонніе члена, есть цѣлое, абсолютное, истинное; его нельзя упрекнуть въ односторонности и въ непремѣнно связанной съ нею легковѣсности, такъ какъ оно не есть одно отрицательное, но не есть и положительное, и такъ какъ оно, какъ всеобъемлющее, есть цѣлая, абсолютная, ничего не исключающая полнота; это, казалось бы, должно побудить опортюнистовъ устранять препятствія съ пути каждаго изъ двухъ односторонихъ членовъ, и принимать ихъ въ совокупности какъ одно нераздѣльное цѣлое; только противоположеніе вѣрно, говорятъ они, а каждый изъ противополагаемыхъ членовъ, взятый самъ по себѣ, одностороненъ и какъ таковой не вѣренъ; слѣдовательно, противоположе-

ніе мы должны брать въ его совокупности, чтобы имѣть истину. Но именно здѣсь начинается затрудненіе: противоположеніе есть, конечно, истина, но оно не существуетъ какъ таковое, но существуетъ, какъ эта совокупность, и его существованіе есть именно противорѣчащее себѣ раздвоеніе его обоихъ членовъ—положительнаго и отрицательнаго. Противоположеніе, какъ совокупная истина, есть нераздѣлимое единство простоты и раздвоенія самого себя въ одномъ; это его скрытая, и слѣдовательно почти неуловимая природа, и именно потому что это единство скрытое,—противоположеніе существуетъ также односторонне, только какъ раздвоеніе его членовъ; оно существуетъ только какъ положительное и отрицательное, а они такъ рѣшительно исключаютъ другъ друга, что это обоюдное исключеніе составляетъ всю ихъ природу. Но какъ же уловить совокупность противоположенія? Здѣсь остаются, повидимому, два выхода: первый выходъ, казалось, могъ-бы заключаться въ томъ, чтобы произвольно отвлечься отъ раздвоенія и вернуться къ простой, предшествующей раздвоенію, совокупности противоположенія; но это невозможно, потому что разъединенное однажды разъединено разъ навсегда, и еще потому, что противоположеніе какъ таковое, непосредственно воспринимается только какъ раздвоеніе, или же не можетъ быть воспринято вовсе; второй выходъ заключается въ посредничествѣ между противоположными членами; къ чему собственно и направлены всѣ усилія опортюнистовъ. Посмотримъ, дѣйствительно ли имъ это удается.

Положительное—нѣчто спокойное, неподвижное; потому именно оно и положительно, что покоится въ себѣ безмятежно, не содержитъ ничего, что бы оно могло отри-

цать, и чуждо движенія, такъ какъ каждое движеніе есть отрицаніе.

Положительное есть то, въ чемъ отсутствіе движенія установлено какъ таковое, что сознаетъ себя какъ абсолютное отсутствіе движенія; но рефлексія на отсутствіе движенія неразрывно связана съ рефлексіей на движеніе; или скорѣе они составляютъ одну и ту же рефлексію, и такимъ образомъ положительное т. е. абсолютное спокойствіе—положительно только въ сравненіи съ отрицательнымъ, т. е. съ абсолютной тревогой; положительное внутри самого себя относится къ отрицательному какъ къ своему собственному живому опредѣленію. Такимъ образомъ положительное занимаетъ двойственное положеніе по отношенію къ отрицательному: съ одной стороны, оно покоится въ самомъ себѣ и въ этомъ апатическомъ спокойствіи не имѣетъ въ себѣ ничего отрицательнаго; съ другой же стороны, и именно въ силу этого спокойствія, въ самомъ себѣ противоположнаго отрицательному, оно дѣятельно исключаетъ изъ себя отрицательное; но эта дѣятельность исключенія уже есть движеніе, и поэтому положительное, именно въ силу своей позитивности, въ самомъ себѣ уже болѣе не положительное, а отрицательное; оно исключаетъ и самого себя, и тѣмъ себя губитъ.

Слѣдовательно положительное и отрицательное не одинаково полномочны, какъ это думаютъ опортюнисты; данное противоположеніе не есть равновѣсіе, перевѣсъ отрицательнаго въ немъ очевиденъ; отрицательное, какъ нѣчто обусловливающее существованіе самого положительнаго, заключаетъ въ самомъ себѣ совокупность противоположенія, и поэтому есть абсолютно полномочное.—Какъ, спросятъ меня быть можетъ, не вы ли сами со-

знались намъ, что отрицательное, отвлеченно взятое само по себѣ, односторонне, такъ же какъ и положительное, и что его господство надъ міромъ грозило бы всеобщей дегенераціей? Да, но говоря такъ, я имѣлъ въ виду отрицательное въ его настоящемъ проявленіи, т. е. отрицательное, исключающее положительное и примирившееся съ этимъ положеніемъ и такимъ образомъ ставшее само положительнымъ; какъ таковое оно отрицается положительнымъ, и послѣдовательные позитивисты, отрицая за отрицательнымъ въ подобной самодовлѣющей формѣ право на существованіе, исполняютъ священную логическую обязанность,—хотя они и не вѣдаютъ, что творятъ. Они думаютъ, что отрицаютъ отрицательное, но отрицаютъ они его лишь постольку, поскольку оно само дѣлается положительнымъ, и тѣмъ пробуждаютъ отрицательное отъ филистерскаго покоя, къ которому оно не предназначено, и ведутъ его назадъ, къ его великому призванію, къ неустанному и безпощадному уничтоженію всего позитивно существующаго.

Мы соглашаемся, что положительное и отрицательное, застывшее въ эгоистическомъ самодовольствѣ. слѣдовательно измѣнившее самому себѣ, равноцѣнны; но отрицательное не должно быть эгоистично, оно должно самоотверженно жертвовать собою въ борьбѣ съ положительнымъ, стремясь къ его уничтоженію, и въ этомъ святомъ дѣлѣ уничтоженія оно должно обнаружить неисчерпаемое богатство и чреватую будущимъ глубину своего содержанія.—Положительное отрицается отрицательнымъ, а отрицательное наоборотъ—положительнымъ; что же объединяетъ эти два взаимоотношенія? Отрицаніе страстно преслѣдуетъ положительное, и находитъ его даже и тогда, если послѣднее лукаво пытается скрыться подъ

видомъ отрицательнаго. И отрицательное полномочно только какъ это безпощадное истребленіе, и какъ таковое оно полномочно абсолютно, потому что оно есть проявленіе невидимо присутствующаго въ самомъ противоположеніи практическаго духа, который среди этой бури уничтоженія грозно зоветъ грѣшныя, посредничающія души къ покаянію и возвѣщаетъ свое близкое пришествіе, для утвержденія на землѣ дѣйствительно демократической и универсально-человѣческой церкви свободы.

Разрушеніе и разложеніе положительнаго, вотъ единственно возможное взаимоотношеніе положительнаго съ отрицательнымъ, составляющее имманентную совокупность движенія и движущую силу противоположенія; всякія попытки установить между ними какую-нибудь иную связь безплодны, и каждый, имѣющій поползновеніе къ посредничеству между положительнымъ и отрицательнымъ, доказываетъ этимъ, что онъ не проникся духомъ времени, а слѣдовательно или глупъ или лишенъ убѣжденій, потому что человѣкъ только тогда уменъ и нравственнен, когда онъ вполнѣ предается этому духу и, проникается имъ. Противоположеніе цѣлостно и истинно, съ этимъ согласны даже посредствующіе опортюнисты, и какъ цѣлостное, оно жизнедѣятельно и энергія его всеобъемлющей жизненности заключается именно, какъ мы только что видѣли, въ этомъ безпрерывномъ самосожженіи положительнаго на очистительномъ огнѣ отрицательнаго.

Что же дѣлаютъ опортюнисты? Они соглашаются съ нами во всемъ этомъ, они признаютъ цѣлокупность противоположенія такъ же, какъ и мы, но только отнимаютъ у него его активность, его жизненность, всю его душу, или,

лучше сказать, только хотятъ отнять, потому что жизненность противоположенія есть реальная, несокрушимая сила, которую они, съ ихъ половинчатыми и безсильными душами, не въ силахъ ни задержать, ни задушить. Положительное, какъ мы сказали и доказали, взятое само по себѣ, не имѣетъ права на существованіе, оно пріобрѣтаетъ его лишь постольку, поскольку оно вызываетъ жизнедѣятельность отрицательнаго, вступая съ нимъ въ коллизію, и превращаясь такимъ образомъ въ отрицаніе отрицательнаго.

Эту—то дѣятельность отрицанія, до которой возвышаются позитивисты, руководимые присущей всѣмъ живымъ натурамъ силою противоположенія, составляющею ихъ единственное оправданіе и единственное проявленіе ихъ жизненной энергіи,—именно эту дѣятельность отрицанія оппортюнисты и хотятъ у нихъ отнять. Вслѣдствіе непостижимаго злого рока, или скорѣе вслѣдствіе злосчастнаго отсутствія убѣжденій и полнаго практическаго безсилія, они цѣпятъ въ позитивистахъ именно то, что въ нихъ умерло, сгнило, и ждетъ только погребенія, и отвергаютъ то, что жизнеспособно: активную борьбу съ отрицательнымъ, живое проявленіе въ нихъ противоположенія.

Они говорятъ положительнымъ: „Господа, вы правы, охраняя гнилые и высохшіе остатки старины; такъ хорошо и пріятно живется въ этихъ развалинахъ, въ этомъ противномъ разуму мірѣ-рококо, воздухъ котораго такъ же здоровъ для вашихъ чахоточныхъ умовъ, какъ воздухъ скотнаго двора для чахоточнаго тѣла; что касается насъ, то мы съ величайшею радостью поселились бы въ вашемъ мірѣ, въ мірѣ, руководимомъ не разумомъ, не живой человѣческой волей, а окаме-

нѣвшими, неподвижными традиціями, въ мірѣ, идеаломъ котораго является Китай, съ его мандаринами и бамбуковыми палками! Но что дѣлать, господа! Времена настали скверныя; наши общіе враги—отрицатели заняли много мѣста; мы ненавидимъ ихъ такъ же, а можетъ быть еще болѣе, чѣмъ вы сами, такъ какъ они въ своей необузданности позволяютъ себѣ презирать насъ; но они стали сильны, и надо волей-неволей считаться съ ними, чтобы не быть совершенно уничтоженными; не будьте же такъ фанатичны, господа, отведите и имъ небольшой уголокъ; что за бѣда, если въ вашемъ историческомъ музеѣ они займутъ мѣсто нѣкоторыхъ, хотя и очень почтенныхъ, но совершенно сравнявшихся съ землей развалинъ? Повѣрьте намъ: вполнѣ осчастливленные честью, которую вы имъ этимъ окажете, они будутъ держать себя въ вашемъ почтенномъ обществѣ очень скромно и спокойно; такъ какъ это вѣдь всего только молодые люди, озлобленные противъ нашего безпечальнаго житья нуждой и лишеніями, которые потому такъ кричатъ и дѣлаютъ столько шума, что надѣются этимъ добиться нѣкотораго значенія и занять болѣе выгодное положеніе въ обществѣ".

Потомъ они обращаются къ отрицательнымъ и говорятъ имъ: „Господа, ваши стремленія благородны! Мы понимаемъ ваше юношеское увлеченіе благородными принципами и питаемъ къ вамъ величайшую симпатію; но повѣрьте намъ, благородные принципы непримѣнимы во всей своей чистотѣ къ жизни; для жизни необходима нѣкоторая доза эклектизма; міромъ нельзя овладѣть тѣмъ способомъ на который вы разсчитываете; чтобы управлять имъ, нужно дѣлать ему уступки; иначе вы ничего не добьетесь въ свѣтѣ". И,

какъ польскіе евреи, о которыхъ разсказываютъ, что во время послѣдняго возстанія они хотѣли въ одно и то же время служить обѣимъ воюющимъ сторонамъ, какъ полякамъ, такъ и русскимъ, причемъ и тѣ и другіе ихъ вѣшали,—такъ и эти несчастные мучатся надъ неразрѣшимой задачей соединить несоединимое, и въ благодарность получаютъ отъ обѣихъ партій презрѣніе. Жаль только, что въ наше сантиментальное время нельзя примѣнить къ нимъ законъ Солона.

Все это фразы, возразятъ мнѣ; опортюнисты по большей части люди почтенные и научно-сбразованные. „Между нами есть много всѣми уважаемыхъ и высокопоставленныхъ лицъ, а вы выставили насъ людьми безъ убѣжденій!“ Но чѣмъ же я виноватъ, если это дѣйствительно такъ? Я не хочу задѣвать ничьей личности; внутренняя жизнь индивида—для меня неприкосновенная святыня, нѣчто несоизмѣримое, о чемъ я никогда не позволю себѣ судить; эта внутренняя жизнь можетъ имѣть для самого индивида безконечное значеніе; для внѣшняго же міра, она имѣетъ цѣнность лишь постольку, поскольку она выражается въ той или иной дѣятельности; каждый человѣкъ есть въ дѣйствительсти то, чему онъ служитъ; чернаго же я никакъ не могу назвать бѣлымъ.

Да, возразятъ мнѣ, вамъ кажутся ихъ усилія черными или, скорѣе, сѣрыми; на дѣлѣ же они желаютъ и имѣютъ въ виду только прогрессъ, и содѣйствуютъ ему гораздо больше, чѣмъ вы сами, такъ какъ дѣйствуютъ обдуманно, а не такъ, какъ демократы, которые задорно хотятъ взорвать весь міръ. Но мы видѣли, что такое этотъ мнимый прогрессъ, который будто бы имѣютъ въ виду постепеновцы; мы видѣли, что они соб-

ственно не хотятъ ничего другого, какъ только задушить единственный живой принципъ нашей столь бѣдной современности: они хотятъ задушить творческій и чреватый грядущимъ принципъ анализирующаго движенія; они такъ же хорошо какъ и мы видятъ, что наше время есть время противоположенія: они соглашаются съ нами, что общество въ современномъ состояніи безсилія и разрозненности обречено на вырожденіе; и вмѣсто того, чтобы завершеніемъ противоположенія создать новую, утверждающую и создающую дѣйствительность, они хотятъ вѣчно поддерживать это жалкое и безплодное существованіе посредствомъ безконечной постепенности. Развѣ это прогрессъ? Они говорятъ положительнымъ: «Поддерживайте старое, но позвольте въ въ то же время отрицательнымъ постепенно разрушать его»,—а отрицательнымъ: «разрушайте старое, только несразу и несовсѣмъ, для того чтобы вамъ всегда было что дѣлать»: т. е. «оставайтесь каждый въ своей односторонности: мы же, избранные, сохранимъ для себя наслажденіе жизнью въ ея цѣломъ»,—жалкимъ цѣлымъ, которымъ могутъ удовлетвориться только убогіе умы. Они отнимаютъ у противоположенія его движущую практическую душу и радуются, что могутъ распоряжаться съ нимъ по своему усмотрѣнію. Вырисовавшееся во всемъ своемъ величіи противоположеніе нашихъ дней не представляется имъ реальной, практической силой современности, которой каждый живой человѣкъ долженъ отдаться безъ оглядки, чтобы остаться живымъ, а не лишь теоретической игрушкой. Они не проникнись духомъ времени, поэтому они безнравственные люди; да, именно они, такъ хвастающіеся своею нравственностью—безнравственны, потому что нравственность

внѣ душеспасительной церкви свободнаго человѣчества — невозможна. По отношенію къ нимъ надо повторить то, что сказано въ Апокалипсисѣ по адресу опортюнистовъ того времени.

«Я знаю твои дѣла, что ты ни холоденъ, ни горячъ. Ахъ, если бы ты былъ холоденъ или горячъ!

«Но такъ какъ ты не холоденъ и не горячъ, а тепелъ, извергну тебя изъ устъ моихъ».

«Ты говоришь: я богатъ, всего у меня вдоволь и я ни въ чемъ не нуждаюсь; а не знаешь того, что ты жалокъ и несчастенъ, бѣденъ, слѣпъ и нагъ».

Но, скажутъ мнѣ, не возвращаетесь ли вы съ вашими, не допускающими компромиссовъ, крайностями назадъ, на абстрактную точку зрѣнія, давно оставленную Шеллингомъ и Гегелемъ? Не самъ ли Гегель, котораго вы такъ высоко цѣните, совершенно справедливо замѣтилъ однажды, что при абсолютномъ свѣтѣ можно видѣть такъ же мало, какъ и въ абсолютной тьмѣ, и что только конкретное взаимодѣйствіе обоихъ дѣлаетъ вообще возможнымъ зрѣніе,—и не заключается ли великая заслуга Гегеля въ сдѣланномъ имъ открытіи, что все живое только потому и живо, что оно имѣетъ свое отрицательное не внѣ себя, а въ самомъ себѣ, какъ имманентное жизненное условіе; и что, если бы оно было только положительно, а отрицаніе имѣло внѣ себя, то оно было бы неподвижно и безжизненно? Это я очень хорошо знаю, господа! Я согласенъ съ вами, что живымъ организмомъ можетъ быть названъ только организмъ, носящій въ себѣ зародышъ смерти; но если ужъ вы хотите цитировать мнѣ Гегеля, то вы должны цитировать его вполнѣ; тогда вы увидите, что отрицательное только до тѣхъ поръ бываетъ жизненнымъ условіемъ дан-

наго организма, пока оно находится въ гармоническомъ состояніи съ элементами положительными. Когда же наступаетъ моментъ торжества отрицательнаго и послѣднее уже обращается въ самостоятельный принципъ, то этотъ моментъ бываетъ моментомъ смерти даннаго организма, моментомъ, который въ Гегелевской философіи обозначенъ какъ трансформація природы въ новый качественный міръ, въ свободный міръ духа.

То же самое повторяется въ исторіи. Возьмемъ напримѣръ католицизмъ: принципъ теоретической свободы былъ присущъ ему съ самаго начала его существованія; этотъ принципъ былъ источникомъ всѣхъ ересей, которыми былъ такъ богатъ католицизмъ; безъ этого принципа католицизмъ былъ бы неподвиженъ. Такимъ образомъ, принципъ свободы былъ въ то же время причиной его жизненности, но только до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ преобладанія надъ остальными элементами католицизма и постепенно не обратился въ протестантизмъ; такимъ образомъ послѣдній проистекаетъ изъ основъ самого католицизма. Но однажды гармонія основныхъ элементовъ была нарушена, и принципъ теоретической свободы возвысился до самостоятельнаго, независимаго бытія; тогда только противоположеніе обнаружилось въ своей чистотѣ, и вы навѣрное знаете, господа, вы, называющіе себя протестантами, что отвѣтилъ Лютеръ опортюнистамъ своего времени, когда они предложили ему свои услуги.

Вы видите, мое мнѣніе о природѣ противоположенія находитъ себѣ не только логическое, но также и историческое подтвержденіе; но я знаю, что для васъ неубѣдительны никакіе доводы, такъ какъ для васъ ничего не стоитъ исказить и перетолковать факты исторіи

въ свою пользу, вопреки непреложному свидѣтельству истины. Недаромъ васъ называютъ штопальщиками.

«Мы еще не побиты, отвѣтятъ мнѣ, быть можетъ, опортюнисты,—все, что вы говорите о противоположеніи, вѣрно; въ одномъ только мы не можемъ съ вами согласиться, а именно, что наше время такъ ужъ плохо, какъ вы это утверждаете; конечно, подчеркиваемыя вами противоположенія существуютъ, но они не такъ опасны, какъ вы увѣряете. Посмотрите: всюду спокойно, повсюду движеніе улеглось. Никто не думаетъ о войнѣ, и большинство націй, какъ въ цѣломъ такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, напрягаютъ всѣ силы, чтобы удержать миръ, потому что они хорошо знаютъ, что безъ мира невозможны развитіе матеріальной культуры и экономическій прогрессъ, которые повидимому сдѣлались теперь главной цѣлью политиковъ и гражданъ. Сколько было важныхъ поводовъ къ войнѣ и къ разрушенію существующаго порядка вещей съ іюльской революціи до нашего времени! Коллизіи, возникавшія не разъ въ теченіе этихъ двѣнадцати мѣсяцевъ, бывали зачастую настолько запутаны что никакъ нельзя было ожидать ихъ мирнаго разрѣшенія; бывали моменты, когда всеобщая война казалась почти неизбѣжной, бывали моменты, когда буря революціи казалась неотвратимой, и однако всѣ затрудненія постепенно разрѣшились, все осталось спокойно, и, повидимому, миръ навсегда снизошелъ на землю».

Миръ, говорите вы: да, смотря по тому, что называть миромъ. Я же наоборотъ, утверждаю, что никогда враждебныя силы не достигали такого напряженія, какъ теперь; что противорѣчіе между свободой и тиранніей достигло своей послѣдней и высочайшей вершины, и

наша эпоха являетъ всѣ симптомы эпохъ, предшествовавшихъ великимъ историческимъ переворотамъ.

Развѣ вы не читали на стѣнѣ воздвигнутаго революціей храма свободы таинственныя и страшныя слова: Свобода, равенство и братство, и развѣ вы не знаете и не чувствуете, что эти слова означаютъ полное уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра? Развѣ вы ничего не слыхали о буряхъ революціи и не знаете, что Наполеонъ, этотъ мнимый укротитель демократіи, какъ достойный сынъ революціи, побѣдоносной рукой распространилъ ея нивелирующіе принципы по всей Европѣ? Развѣ вы ничего не слыхали о Кантѣ, Фихте, Шеллингѣ и Гегелѣ, и дѣйствительно ничего не знаете о философіи, которая въ мірѣ интеллектуальномъ выдвинула тотъ же самый нивелирующій революціонный принципъ, принципъ автономіи духа, и неужели вы не понимаете, что этотъ принципъ стоитъ въ величайшемъ противорѣчіи со всѣми господствующими религіями и существующими церквами?

«Да, отвѣтите вы мнѣ, но вѣдь эти противорѣчія стали достояніемъ исторіи, и даже въ самой Франціи революція побѣждена мудрымъ правленіемъ Людовика Филиппа, а новѣйшая философія недавно побѣждена однимъ изъ ея величайшихъ знатоковъ, Шеллингомъ; противоположеніе разрѣшено теперь повсюду, во всѣхъ сферахъ жизни».

И вы дѣйствительно вѣрите въ это разрѣшеніе, въ эту побѣду надъ революціоннымъ духомъ? Развѣ вы слѣпы и глухи, развѣ у васъ нѣтъ глазъ и ушей для того, что происходитъ вокругъ васъ? Нѣтъ, господа, революціонный духъ не побѣжденъ, а только

ушелъ въ глубину, послѣ того какъ первымъ своимъ появленіемъ потрясъ до основанія весь міръ; онъ только на время укрылся въ глубинѣ народнаго сознанія, чтобы вскорѣ опять появиться какъ созидающій, творческій геній. Теперь онъ копается—если мнѣ позволено употребить это выраженіе Гегеля,—какъ кротъ подъ землею, а что онъ работаетъ не напрасно, это вы можете видѣть по безчисленнымъ развалинамъ, которыми уже покрыта наша религіозная, политическая и соціальная почва. Вы говорите о разрѣшеніи, о примиреніи! Оглянитесь только кругомъ и скажите мнѣ, что осталось живымъ отъ стараго католическаго и протестанскаго міра? Вы говорите о побѣдѣ надъ отрицательнымъ принципомъ! Но развѣ вы не читали Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауэра, и не знаете, что ихъ сочиненія у всѣхъ въ рукахъ? Неужели вы не видите, что вся нѣмецкая литература, книги, брошюры, газеты, даже сочиненія самихъ позивитистовъ невольно и безсознательно проникнуты этимъ отрицательнымъ духомъ?—И это вы называете примиреніемъ и миромъ!

Вамъ хорошо извѣстно, что человѣчество, слѣдуя своему высокому назначенію, можетъ удовлетвориться и успокоиться только на какомъ-нибудь универсальномъ жизненномъ принципѣ, на принципѣ, который могущественно соединяетъ въ себѣ тысячи разнородныхъ проявленій духовной жизни; но гдѣ же этотъ принципъ, господа?

Вѣроятно, и вы въ теченіе вашего печальнаго существованія когда нибудь переживали мгновенія душевнаго подъема, мгновенія, когда вы отбрасывали мелочныя побужденія повседневной жизни и стремились къ истинѣ, къ великому, къ святому; отвѣтьте же мнѣ от-

кровенно, положа руку на сердце, въ такія мгновенья не снизошло ли на васъ вдохновеніе? Не открыли вы въ эти мгновенія подъ развалинами, которыя насъ окружаютъ, великой идеи, которой вы могли бы вполнѣ отдаться и въ братскомъ общеніи со всѣмъ человѣчествомъ возродиться вновь? Не протестантизмъ-ли эта идея? Но въ немъ царитъ страшнѣйшая анархія; на сколько различныхъ сектъ онъ распадается? «Безъ великаго, всеобщаго энтузіазма бываютъ только секты, а не общественное движеніе»—говоритъ Шеллингъ, а нынѣшній протестанскій міръ далекъ, какъ отъ неба, отъ того, чтобы быть проникнутымъ всеобщимъ энтузіазмомъ; это самый трезвый міръ, какой только можно себѣ представить. Не католицизмъ-ли это? Но гдѣ его прежнее великолѣпіе? Не превратился-ли теперь онъ, повелѣвавшій нѣкогда цѣлымъ міромъ, въ послушное орудіе чуждой ему, безнравственной политики? Или, можетъ быть, вы находите успокоеніе въ современномъ государствѣ?

Да, чего-бы, кажется, лучше? Но увы! Современное государство находится въ глубочайшемъ внутреннемъ противорѣчіи; потому что государство безъ религіи, безъ сильнаго общественнаго мнѣнія—невозможно; если хотите въ этомъ убѣдиться, посмотрите только на Францію и Англію; о Германіи я не хочу ужъ и говорить.

Загляните, наконецъ, въ себя, господа, и скажите откровенно, довольны-ли вы самими собой и возможно-ли вообще для васъ это довольство? Развѣ вы сами, всѣ безъ исключенія, не самыя печальныя и жалкія фигуры нашего печальнаго и скуднаго времени? Развѣ вы не полны противорѣчій? Похожи-ли вы на цѣльныя натуры? Вѣрите-ли вы крѣпко во что-нибудь? Знаете ли вы, чего хотите и можете-ли вообще чего-нибудь

хотѣть? Оставилъ ли въ васъ современный рефлексъ, эпидемія нашего времени, хоть одно живое мѣсто? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Рефлексіей пропитаны вы насквозь, и стали отъ этого разслабленными и безплодными! Вамъ ничего не остается, какъ сознаться въ томъ и признать, наконецъ, что наше время — печальное время, и что всѣ мы еще болѣе печальныя его дѣти!

Но, съ другой стороны, нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть вокругъ грозныхъ явленій, возвѣщающихъ намъ, что духъ революціи, этотъ старый кротъ, почти окончилъ уже свою подземную работу, и что онъ скоро опять появится на свѣтъ, чтобы произнести свой судъ; повсюду, а въ особенности во Франціи и въ Англіи, образуются соціально-религіозные союзы, которые, будучи совершенно чужды современному политическому міру, черпаютъ свою жизненность изъ новыхъ, неизвѣстныхъ намъ источниковъ, и въ тишинѣ растутъ. Народъ, бѣднѣйшій классъ, составляющій, безъ сомнѣнія, большинство человѣчества, классъ, права котораго теоретически уже признаны, но который до сихъ поръ еще въ силу своего рожденія и обстоятельствъ осужденъ на нищету, невѣжество, а, слѣдовательно, и на фактическое рабство,—этотъ классъ, собственно и составляющій народъ, занимаетъ повсюду угрожающія позиціи и начинаетъ считать ряды слабаго, по сравненію съ нимъ, непріятеля и требовать реальнаго удовлетворенія своихъ, уже признаныхъ всѣми правъ. Всѣ народы и всѣ классы полны тревожнаго предчувствія, и каждый, чьи жизненные органы не парализованы, смотритъ съ трепетнымъ ожиданіемъ навстрѣчу приближающемуся будущему, которое произнесетъ спасительное слово.

Даже въ Россіи, этой безконечной, занесенной снѣ-

гомъ имперіи, которую мы такъ мало знаемъ, и которой, быть можетъ, предстоитъ великое будущее,—даже въ Россіи собираются темныя, предвѣщающія грозу тучи! О, воздухъ удушливъ, онъ чреватъ бурями! И поэтому мы взываемъ къ нашимъ ослѣпленнымъ братьямъ: «Покайтеся! Покайтеся! Царствіе Божіе приближается!

Мы говоримъ позитивистамъ: откройте ваши духовныя очи, оставьте мертвыхъ погребать мертвецовъ, и убѣдитесь, наконецъ, что нельзя искать вѣчно юнаго, вѣчно рождающагося вновь духа среди руинъ! А опортюнистамъ мы совѣтуемъ открыть глаза для истины и освободиться отъ ихъ жалкой и слѣпой мудрости, отъ ихъ теоретическаго лицемѣрія и отъ рабскаго страха, который сушитъ ихъ душу и парализуетъ движенія.

Довѣримся же вѣчному духу, который разрушаетъ и уничтожаетъ только потому, что онъ есть непостижимый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни. Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ!

Жюль Элизаръ (М. Бакунинъ).

IV.

ФИЛОСОФІЯ ТЕРРОРА.

Ж. ЭТЬЕВАНА.

Отъ издателей.

Жоржъ Этьеванъ былъ наборщикомъ. Это была простая, непосредственная душа, послѣдовательная въ своей непосредственности. Признавъ однажды что-либо за истину, Этьеванъ ужъ никогда и ни для чего не отступалъ отъ нея. Поэтому вся его жизнь, какъ жизнь всякаго необузданнаго борца за истину, была однимъ сплошнымъ гоненіемъ. Большая часть ея протекла въ тюрьмѣ или въ изгнаніи, и окончилъ онъ ее на каторгѣ, въ болотахъ Кайенны.

Онъ не былъ первокласснымъ писателемъ. Онъ былъ самоучкой и ему не доставало эрудиціи и навыка въ систематическомъ мышленіи. Самое цѣнное, что онъ оставилъ,—это его защитительныя рѣчи на судѣ. Нѣкоторыя мѣста въ рѣчахъ Этьевана, по высотѣ своего пафоса и по глубинѣ мысли, ставятъ его наравнѣ съ лучшими ораторами міра. Одну изъ подобныхъ рѣчей онъ заканчиваетъ такъ:

«Когда мы сейчасъ вернемся въ тюрьму, а вы (судьи) въ ваши семьи, поверхностные умы будутъ думать, что мы побѣждены. Ошибка! Мы люди будущаго, а вы, вы—люди прошлаго!

«Мы—завтрашніе, вы—вчерашніе! И ничто не въ состояніи помѣшать, чтобы каждая проходящая минута

не приближала насъ къ «завтра» и не удаляла насъ отъ «вчера».

Всегда «вчера» хотѣло загородить дорогу къ «завтра» и всегда оно оставалось побѣжденнымъ въ самой своей побѣдѣ. Время, которое оно тратило на побѣду, приближало его къ пораженію.

«Это «вчера» заставило выпить ядъ Сократа, это оно заставило въ пыткѣ отречься Галилея, оно сожгло Гусса, Вильгельма Пражскаго, Джіордано Бруно; это оно взвело на эшафотъ Гебера, Бабефа, оно засадило въ тюрьму Бланки, разстрѣляло Флуранса и Ферре (коммунары 1871 г.). Какъ звались судьи Сократа и Галилея, судьи Іоганна Гусса, Вильгельма Пражскаго, Дж. Бруно, судьи Гебера, Бабефа, Бланки, Флуранса, Ферре? Никто не знаетъ: они прошлое. Они умерли еще при жизни. У нихъ не было даже славы Герострата. Тогда какъ Сократъ вѣченъ, Галилей живъ, І. Гуссъ существуетъ, тогда какъ Вильгельмъ Пражскій, Дж. Бруно, Геберъ, Бабефъ, Бланки, Флурансъ, Ферре безсмертны въ памяти народа.

«Итакъ, мы будемъ счастливы въ своемъ несчастьи, торжествующими въ своей бѣдности, побѣдителями въ своемъ пораженіи. Мы будемъ счастливы, что бы съ нами ни случилось. Мы увѣрены, что при дуновеніи обновляющей идеи, другіе придутъ къ истинѣ, другіе продолжатъ прерванную нами работу и успѣшно закончатъ ее. Наступитъ день, когда небесное свѣтило, золотящее нивы, будетъ сіять надъ человѣчествомъ безъ армій, безъ пушекъ, безъ границъ, безъ заставъ, безъ тюремъ, безъ судей, безъ полиціи, безъ законовъ и безъ боговъ, надъ человѣчествомъ, свободнымъ умственно и физически. И люди, примирившіеся съ природой и другъ

съ другомъ, смогутъ, наконецъ, утолить свою жажду справедливости во всеобщей гармоніи».

Въ предлагаемой ниже рѣчи, читатель также найдетъ нѣсколько простыхъ, но цѣнныхъ мыслей, заслуживающихъ самаго широкаго распространенія.

Январь.
1907 г.

Философія террора.

Хотя я и великій преступникъ, однако до тѣхъ поръ, пока меня оставляли въ покоѣ, я никому не дѣлалъ зла. Я работалъ, пока имѣлъ къ тому возможность, не оскорбляя никого и уважая права и свободу каждаго.

Вольней*) въ «Естественномъ законѣ» говоритъ: «Береги себя, просвѣщайся, просвѣщай другихъ». И несмотря на то, что Вольней не былъ анархистомъ, я, не видя въ этомъ изреченіи ничего предосудительнаго сталъ по мѣрѣ возможности руководиться имъ въ жизни. Я не только работалъ для того, чтобъ жить, но и старался научиться всему, чему представлялась возможность и, научившись, старался подѣлиться своими знаніями съ другими. Прежде всего, имѣя въ виду количественныя отношенія, которыми связаны взаимодѣйствующія явленія природы, я по вечерамъ занимался математикой, стараясь уяснить себѣ великія задачи, которыя природа безпрестанно ставитъ человѣку, и при-

*) Константинъ Вольней, французскій ученый, оріенталистъ род. 1757—умеръ въ 1820. Онъ былъ секретаремъ учредительнаго собранія, выступалъ въ качествѣ ожесточеннаго противника духовенства и защитника свободы. Въ своемъ сочиненіи „Естественный законъ“ Вольней пытается построить этику на научномъ основаніи.

близиться къ истинѣ. Надо вамъ сказать, что я считалъ своимъ долгомъ открыто высказывать свои мнѣнія по поводу различныхъ явленій и теорій, съ которыми я сталкивался въ жизни. Но такъ какъ къ несчастію, я не одаренъ блестящими способностями, то несмотря на мои старанія, почти все мое свободное время уходило на саморазвитіе, просвѣщать же другихъ у меня не хватало ни времени, ни смѣлости. За три послѣдніе мѣсяца, въ теченіе которыхъ послѣ выхода изъ тюрьмы, я пользовался относительной свободой, я ни разу не говорилъ публично и написалъ всего лишь двѣ статьи.

Хотя я и зналъ о существованіи законовъ, которые по справедливости были названы «злодѣйскими»*), (откровенно говоря, всѣ они таковы) но я до такой степени былъ убѣжденъ, что каждый имѣетъ право свободно выражать свои мысли, каковы бы онѣ не были, въ особенности если онъ признаетъ это право и за другими, что я смѣло подписывался подъ всѣми моими статьями, хотя, конечно, могъ бы, какъ то дѣлаютъ многіе другіе скрыться подъ псевдонимомъ. Такова была моя жизнь въ теченіе этихъ мѣсяцевъ.

Теперь предположите, что свѣтъ заселенъ исключительно такими чудаками, какъ я, которые работаютъ, учатся и откровенно высказываютъ свои мысли, не справляясь предварительно о гонорарѣ, какъ это обыкновенно принято въ честной прессѣ, предположите далѣе, что эти чудаки уважаютъ права и свободу каждаго, какъ дѣлалъ это я; затѣмъ представьте себѣ, что исчезли всѣ такъ называемые «отцы народа», нѣтъ ни

*) Законы противъ анархистовъ: „lois scélérates“.

неподкупныхъ судей, ни храбрыхъ генераловъ ни уважаемыхъ депутатовъ,—скажите на милость, какое зло произошло бы отъ этого для человѣчества?

Итакъ, несмотря на то, что, находясь на свободѣ, я никому не причинилъ вреда и все мое преступленіе состояло лишь въ томъ, что я откровенно высказывалъ свои мнѣнія, я вновь былъ лишенъ свободы и привлеченъ къ суду. Понятно, до чего бы мы дошли, еслибъ каждому было позволено имѣть мнѣнія, несогласныя во взглядами правительства, еслибъ можно было безнаказанно выдѣлять свой голосъ изъ послушнаго хора льстецовъ, курящихъ ѳиміамъ соціальному строю, въ которомъ мы имѣемъ счастье жить; или еслибъ, напримѣръ, позволено было безнаказанно защищать слабыхъ, побѣжденныхъ, тѣхъ, кто падаетъ подъ ударами закона, защищать безкорыстно, изъ одного лишь убѣжденія, не справляясь, есть ли у этихъ несчастныхъ вліятельные покровители, могущіе быть вамъ полезными.

Неправда-ли какой скандалъ! Какъ не закричать караулъ при видѣ негодяя, осмѣлившагося утверждать, что и загнанный оселъ имѣетъ право лягнуть изо-всей силы своего погонщика, готоваго заколотить его на смерть, и что этотъ актъ возмущенія есть законный актъ самозащиты.

Да, господа, я дошелъ до того, что утверждалъ въ одной изъ своихъ статей, что каждый актъ возмущенія, есть актъ законной самозащиты!

Это было нестерпимо, и тѣмъ болѣе нестерпимо, что не было возможности доказать противное. Пусть бы еще я высказалъ какую-нибудь нелѣпую мысль, которую можно было бы высмѣять, но вѣдь каково: я былъ правъ! Подобная дерзость не могла остаться безнаказанной,

очевидно, я былъ виновенъ въ томъ, что былъ правъ и это мнѣ ясно доказали, приговоривъ къ ссылкѣ въ болота Гвіаны, гдѣ я долженъ былъ провести остатокъ своихъ дней.

Но, къ несчастью, перечень моихъ проступковъ не убѣдилъ меня въ моей преступности, и я очень рѣшительно не пожелалъ дать убить себя, не защищаясь. Это неслыханное злодѣяніе возмутило до глубины души всѣхъ стражей закона.

Ахъ, еслибъ законодатели были откровенны и просто и ясно провозгласили бы во всеуслышаніе, что всѣ люди, расходящіеся съ ними во взглядахъ по поводу тѣхъ или иныхъ явленій, должны быть заключены въ тюрьму или сосланы на каторгу во имя свободы, равенства и братства, то возмущаться такой декларацiей было бы простительно, абсурдъ былъ бы слишкомъ очевиденъ, но разъ этотъ абсурдъ регламентированъ подъ рубрикой законовъ о свободѣ печати—мнѣ очевидно, слѣдовало подчиниться!

Но какъ подчиниться абсурду, если логика, разумъ и справедливость вопіютъ противъ него? Въ томъ и драматизмъ нашего положенія, что мы, анархисты, органически неспособны оставаться покорными, безсловесными животными. Чтобъ подчинить насъ, насъ нужно убѣдить разумными доводами, ясными и точными. И прежде всего необходимо, чтобы намъ доказали наконецъ, на основаніи какихъ научно-обоснованныхъ фактовъ, одни имѣютъ право повелѣвать и предписывать законы другимъ! Кто далъ имъ это право? Дать его могло лишь существо, само обладавшее имъ. Но что это за существо? Какими научными доводами подтверждается его реальность? Развѣ современная наука не отодви-

нула въ область химеръ метафизическое понятіе причины всѣхъ причинъ? Развѣ Богъ не сдѣлался для нея по выраженію знаменитаго математика Лапласа, ненужной гипотезой *)? Но даже еслибъ вамъ и удалось установить самымъ достовѣрнымъ образомъ реальность верховнаго существа, обладающаго безграничной властью, то еще нужно было-бы доказать, что это существо можетъ передавать свою власть и свои права другимъ и кому именно; даровало ли оно это право предписывать законы одному человѣку или нѣсколькимъ людямъ, и далѣе по какимъ несомнѣннымъ признакамъ можно узнать

*) Къ сожалѣнію, для Россіи дѣло обстоитъ значительно хуже. Соціалистическія партіи, работающія въ народѣ съ 70 годовъ все свое вниманіе отдавали и отдаютъ вопросамъ соціальнымъ и экономическимъ, совершенно не касаясь религіознаго, и бытіе божіе до нашихъ дней остается непреложной истиной для широкихъ народныхъ массъ, въ значительной степени уже распропагандированныхъ въ политическомъ направленіи. Благодаря этому, монархисты, разбитые по всѣмъ пунктамъ какимъ-нибудь агитаторомъ, какъ послѣдній таргументъ объявляютъ, что послѣдній не признаетъ Бога, и этотъ аргументъ зачастую бываетъ рѣшающимъ для аудиторіи, лишая цѣнности всѣ предыдущіе доводы агитатора.

Вѣра въ Бога, распространенная въ широкихъ народныхъ массахъ является существеннымъ препятствіемъ развитію революціи, такъ какъ на авторитетѣ божеской власти зиждется власть его намѣстниковъ на землѣ, духовныхъ и свѣтскихъ до, постового городового включительно. Только тупости и невѣжеству нашего духовенства мы обязаны сравнительно незначительнымъ успѣхомъ контръ-революціи. Но чего можетъ достигнуть умное и организованное духовенство, показываетъ намъ примѣръ Вандеи. Будь во Франціи не одна, а двѣ или три Вандеи, великая революція была бы задавлена. И если, къ счастью, Вандея оказалась только одна, то это благодаря предшествующей работѣ энциклопедистовъ, убившихъ Бога въ сердцахъ большинства французовъ. За Богомъ не замедлилъ послѣдовать и король, и 21 янв. 1793 г. едва ли было бы возможно безъ предшествующей работы энциклопедистовъ. Поэтому изданіе популярныхъ брошюръ, разъясняющихъ, понятнымъ для народа языкомъ, нелѣпость легенды о Богѣ, является насущнѣйшей потребностью даннаго фазиса развитія русской революціи, безъ чего едва ли можно надѣяться, чтобы она дала такіе же результаты, какихъ достигла великая французская революція.

тѣхъ, кому мы должны повиноваться? Если есть люди, обладающіе положительными и неоспоримыми полномочіями, то пусть они явятся и предъявятъ ихъ намъ. Гдѣ законная власть среди безпрерывной смѣны властей. Всѣ ли, присвоившіе себѣ власть, дѣйствительно имѣютъ право издавать законы? Въ буряхъ революцій, въ случайностяхъ государственныхъ переворотовъ политическія партіи одна за другой захватываютъ власть, и каждая послѣдовательно объявляетъ, что ей одной принадлежитъ божественное право издавать законы и властвовать надъ остальными. Зачастую власть захватываетъ ничтожная кучка проходимцевъ или даже одинъ узурпаторъ, но и эти, въ свою очередь, объявляютъ себя ставленниками божества и начинаютъ безконтрольно распоряжаться свободой и жизнью многомилліоннаго народа. Гдѣ же предѣлъ произволу, послѣ котораго его уже нужно признать незаконнымъ? Нужно же наконецъ его установить. Существуетъ сбивчивая туманная теорія, пытающаяся доказать, что двадцать человѣкъ имѣютъ право предписывать законы девятнадцати, а двадцать милліоновъ даннаго народа могутъ предписать то или иное поведеніе девятнадцати остальнымъ милліонамъ того же народа.

Не проще ли, не логичнѣе ли, не справедливѣе ли было бы, вмѣсто того, чтобы нагромождать запутанные софизмы для доказательства подобнаго абсурда, не болѣе ли согласно съ человѣческой природой, которая, съ точки зрѣнія положительной науки, не что иное какъ временный агрегатъ атомовъ четырнадцати простыхъ тѣлъ, провозгласить такъ же, какъ и мы, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права властвовать надъ другимъ; что притѣсненіе никогда не будетъ законнымъ, что по-

рабощеніе одного человѣка сотнями милліоновъ другихъ такъ же несправедливо, какъ порабощеніе сотенъ милліоновъ людей однимъ человѣкомъ.

Кто осмѣлится утверждать, что побѣжденные, слабые всегда виновны, и что право всегда на сторонѣ силы и отождествляется съ ней?

О, я знаю, правители не говорятъ этого только потому, что боятся взрыва негодованія со стороны своихъ рабовъ: они прекрасно понимаютъ, что ихъ владычество основано на лжи и что они сильны только благодаря глупости народа, надъ которымъ они издѣваются, опутывая его громкими фразами, обманывая пустыми обѣщаніями, одуряя его своей нелѣпой моралью. Но если кто-нибудь пожелаетъ вникнуть въ суть дѣла, захочетъ провѣрить ихъ права и полномочія, они показываютъ своихъ жандармовъ, какъ Хименесъ *) свои пушки.

Но разъ властители человѣчества никогда, ни у одного народа не были въ состояніи выставить ни одного разумнаго довода въ защиту своего произвола тѣмъ, кто возставалъ противъ него, если ихъ ultimo ratio всегда были лишь орудія смерти: тюрьмы, костры, гильотины, то не въ правѣ ли мы утверждать, что они не находили ихъ, не потому, что у нихъ не хватало

*) Хименесъ (1436 — 1517) духовникъ Изабеллы Кастильской, архіепископъ города Толедо, отличался своимъ высокомѣріемъ и суровостью. Фердинандъ Кастильскій возвелъ его въ санъ великаго инквизитора; 11 лѣтъ стоялъ онъ во главѣ инквизиціоннаго суда и въ теченіе этого времени имъ было осуждено 50,000 человѣкъ, изъ нихъ 2500 было сожжено на кострахъ. Однажды послѣ одного особенно жестокаго распоряженія, нѣкій испанскій грандъ спросилъ его, что онъ сдѣлаетъ, если возмутившійся народъ притянетъ его къ отвѣту, какіе доводы приведетъ онъ въ свое оправданіе?

Хименесъ отвелъ гранда на террасу замка и, приказавъ открыть огонь со всѣхъ батарей, сказалъ: «Вотъ послѣдній и самый вѣскій доводъ властителей: что могутъ возразить на него непокорные подданные?

на то ума или доброй воли, о нѣтъ, они не могли ихъ найти, потому что ихъ не существуетъ въ природѣ.

У васъ нѣтъ и никогда не будетъ положительныхъ доводовъ, которые бы могли оправдать ваши высшія права. А если это такъ, то мы имѣемъ и всегда будемъ имѣть право возмущаться противъ всякой власти, не имѣющей никакого разумнаго основанія, кромѣ силы, противъ всякаго произвола, прикрытаго фикціей законности, отъ кого бы онъ ни исходилъ. Мы всегда имѣемъ право силѣ противопоставить силу, мы, уважающіе свободу и права другихъ, имѣемъ право требовать, чтобы и другіе уважали нашу свободу и наши права, а если они все-таки не уважаютъ, мы имѣемъ законное основаніе не останавливаться ни предъ какими средствами, чтобы принудить ихъ къ этому.

Многіе изъ насъ неоднократно дѣлали эту попытку; къ сожалѣнію, достигнутые результаты не соотвѣтствовали ихъ смѣлости; но другіе все болѣе и болѣе многочисленные по мѣрѣ того, какъ свѣтъ науки будетъ распространяться и истина будетъ лучше познаваема, продолжатъ наше дѣло, и будьте увѣрены, мы до тѣхъ поръ не признаемъ вашего самозваннаго авторитета, пока вы намъ не укажете ясно и точно на какой, научно обоснованный фактъ вы опираетесь, утверждая, что имѣете право предписывать намъ законы? Эти взрывы протеста, вызванные законнымъ возмущеніемъ противъ требованій, не основанныхъ ни на какомъ правѣ, вы считаете преступленіями и въ этой тяжбѣ берете на себя роль судей, совершенно упуская изъ виду, что посягательство на неотъемлемое право человѣка было произведено не съ нашей, а съ вашей стороны?

Когда мы, сторонники неограниченной свободы преній, пожелали защищаться, когда всѣмъ хотѣли показать, что ваши обвиненія были ложны, вы уклонились отъ публичныхъ дебатовъ и, вѣрные своей системѣ притѣсненій, совершенно запретили намъ защищаться, издавъ законъ, освятившій несправедливости всѣхъ остальныхъ законовъ *).

Попирались ли когда-либо правосудіе и справедливость болѣе цинично? Я старался показать въ статьѣ, которую мнѣ вмѣнили въ преступленіе, что актъ притѣсненія всегда предшествуетъ акту возмущенія, что послѣдній можетъ только считаться законной самозащитой и что не мы начали эту трагическую борьбу.

Что же однако вы противопоставили моимъ доводамъ? Ничего!

Осужденіе — думаете ли вы, что оно убѣдительно и свидѣтельствуетъ въ вашу пользу?!

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда были люди, утверждавшіе, что имѣютъ право властвовать надъ другими, они пользовались темнотой и наивностью народа и жили на его счетъ, навязывая ему свои причуды, то подъ лживымъ предлогомъ народнаго блага, то подъ видомъ Божественной миссіи. Въ исторіи видимъ мы, какъ они укрѣпляютъ свое имущество и основываютъ свой авторитетъ на глупѣйшихъ предразсудкахъ и на грубѣйшихъ суевѣріяхъ, которые они умѣло поддерживаютъ среди своихъ рабовъ.

Но, благодаря успѣхамъ современной науки, которая сорвала мишуру съ метафизическимъ идоловъ; которая съ свѣточемъ истины въ рукахъ обратила въ бѣгство всѣ призраки, порожденные невѣжествомъ и заблужденіемъ, среди сумерокъ первоначальнаго варварства, мы

*) Законы противъ анархистовъ такъ-наз. «lois scélérates».

поняли, наконецъ, что вы не имѣете и не можете имѣть права повелѣвать нами.

Несмотря на это, вы старались и стараетесь силой принудить насъ къ послушанію!

А когда мы силой отражаемъ силу, не очевидно ли, что не въ насъ коренится источникъ насилія, не очевидно ли, какъ я уже говорилъ, что замутили воду не мы, анархисты?

Вы хотите безъ помѣхи давить народъ, эксплуатировать его, подчинить его вашимъ прихотямъ, наслаждаться контрастомъ его мукъ и вашего благополучія, унижать его своими милостынями, оскорблять его человѣческое достоинство и, если, случайно, лица, сознающія свои права, возмутятся, наконецъ, противъ столькихъ страданій и поношеній, вы ихъ называете преступниками! А если они захотятъ протестовать противъ этого лживаго обвиненія, вы ихъ уничтожаете!

На чьей же тутъ сторонѣ справедливость и правосудіе?

У васъ въ рукахъ всѣ средства широкой гласности для защиты вашихъ правъ, еслибъ они могли быть защищаемы; но вы отлично знаете, что ваши самозванныя высшія права не выдерживаютъ никакой критики и предпочитаете душить всѣхъ протестантовъ.

Наконецъ, что такое я сдѣлалъ, что такъ упорно ищутъ моей гибели? Я просто старался опровергнуть тѣ обвиненія, которыя возводились на насъ!..

Развѣ это не было моимъ неотъемлемымъ правомъ?..

«Нѣтъ», кричите вы, «никто не имѣетъ права защищать поступки, которые написанный нами законъ называетъ преступленіями», и насъ отправляютъ умирать въ тюрьмы, на каторгу, и это называется правосудіемъ!

Чрезъ всѣ процессы анархистовъ, красной нитью про-

ходить стремленіе заглушить истину; намъ не только не даютъ говорить публично, не только судятъ при закрытыхъ дверяхъ, чтобъ нашъ протестъ не дошелъ до ушей публики,—что заставляетъ предположить намѣреніе обмануть и ее,—но даже не довѣряютъ самому суду присяжныхъ! Несмотря на то, что составъ его всецѣло буржуазный, что въ него входятъ исключительно лица, прямо заинтересованныя въ поддержкѣ существующаго порядка вещей, все-таки побоялись его независимости, меня передали суду исправительной полиціи, такъ какъ знаютъ, что тамъ разговоръ коротокъ, въ осужденіи увѣрены заранѣе.

Вотъ при какихъ условіяхъ и въ силу какихъ принциповъ справедливости я былъ осужденъ на каторгу за то, что пожелалъ опровергнуть безсмысленныя обвиненія, взведенныя на насъ.

Такъ какъ номинально все-таки считается, что судоговореніе имѣетъ цѣлью выясненіе истины, то я не хочу упустить случая обратить въ свою пользу лицемѣріе юстиціи и доказать справедливость тѣхъ положеній и выводовъ, которые составляли содержаніе статьи, вмѣняемой мнѣ въ преступленіе. Для этого я буду опираться на цифры, взятыя изъ работъ сторонниковъ и защитниковъ существующаго соціальнаго строя, а также офиціальной статистики, и если наши противники не могутъ назвать ни одного точнаго факта, на основаніи котораго они желаютъ подчинить насъ своему игу, то у насъ для оправданія нашего возмущенія нѣтъ недостатка въ этихъ фактахъ.

Не думайте, что я стану упрекать васъ за тѣ кровавыя гекатомбы, которыя время отъ времени устраи-

ваются правительствами различныхъ странъ для поддержанія ихъ верховной власти.

Нѣтъ, въ соціологіи, какъ и въ геологіи длительныя, непрерывно и систематически дѣйствующія причины производятъ наиболѣе значительныя дѣйствія; благодаря ихъ постоянству и неизмѣнности мы не замѣчаемъ ихъ, какъ не замѣчаемъ воздуха, которымъ дышимъ. И гораздо больше, чѣмъ они, наше воображеніе поражаютъ исключительныя сенсаціонныя событія, не имѣющія въ сущности никакого серьезнаго соціальнаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ тѣ 20,000 убитыхъ въ іюнѣ 1848 года и 40,000 въ маѣ 1871 года, въ сравненіи съ числомъ жертвъ, уносимыхъ ежегодно нашимъ общественнымъ строемъ?! Ничто!—совершеннѣйшій пустякъ! Можно сказать ничто, даже если ихъ сравнить съ числомъ ежегодныхъ жертвъ въ одной Франціи.

Экономистъ и статистикъ Ваккаро, въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Борьба за существованіе въ человѣчествѣ» говоритъ: въ промежутокъ отъ 1828 г. до 1846 г. дѣтская смертность въ рабочихъ семьяхъ Манчестера достигала 97%; въ Брюсселѣ смертность дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ равнялась 54%, въ богатыхъ 6%; въ Берлинѣ, соотвѣтствующими цифрами были 35 и 5,5%.

Другой экономистъ Куперъ сообщаетъ намъ, что изъ 1000 родившихся черезъ пять лѣтъ остаются въ живыхъ у богатыхъ 941 человѣкъ, у бѣдныхъ же лишь 655 человѣкъ, черезъ двадцать лѣтъ 856 и 566; черезъ 50 лѣтъ 557 и 283.

Я привожу эти цифры лишь потому, что сторонникъ существующаго порядка вещей Новиковъ, опираясь на нихъ, пытается оправдать съ точки зрѣнія теоріи Дар-

вина, существующій экономическій строй. Въ отдѣлѣ своей книги, озаглавленной: «Будущность бѣлой расы», упомянутый авторъ пытается доказать, что соціальный подборъ происходитъ въ такомъ же направленіи и такими же средствами, какъ и естественный. Къ несчастію, у него логика одерживаетъ верхъ, къ тому же факты слишкомъ очевидны, чтобы ихъ можно было отрицать; Новиковъ самъ разбиваетъ всю свою аргументацію. Сравнивая соціальный подборъ съ естественнымъ, онъ говоритъ: «Въ соціальной борьбѣ, какъ и въ зоологической, (при прочихъ равныхъ условіяхъ) оказываются побѣжденными и выброшенными на дно индивиды, обладающіе наименьшей суммой необходимыхъ для борьбы душевныхъ качествъ, какъ-то: силой воли, работоспособностью, любовью къ порядку и проч.».

При этомъ, цитируемый авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что условія борьбы въ соціальной средѣ никогда не бываютъ равными, чѣмъ соціальный отборъ существенно отличается отъ естественнаго. При томъ же онъ намъ говоритъ только о тѣхъ, кто падаетъ на дно общества, не упоминая ни словомъ о тѣхъ, кто тамъ рождается, такъ какъ этотъ фактъ было бы трудно объяснить недостаткомъ любви къ порядку. Итакъ, въ противоположность утвержденію автора, очевидно, что экономическій процессъ вовсе не тождественъ съ біологическимъ. Но какъ бы тамъ ни было—цыфры на лицо, я почерпнулъ ихъ изъ произведеній нашихъ противниковъ и меня нельзя будетъ обвинить въ предвзятомъ мнѣніи или въ преувеличеніи.

Итакъ, эти цыфры показываютъ, какъ смертоносенъ для большей части человѣчества современный экономическій строй. Вы утверждаете, я это знаю, что нужда

является слѣдствіемъ не этого строя, а лѣни и пороковъ людей, погрязшихъ въ нихъ.

Но, чтобъ убѣдиться въ нелѣпости этого мнѣнія, допустимъ на минуту, какъ это дѣлаютъ въ геометріи, при доказательствахъ «отъ противнаго», что на мѣсто живущихъ сейчасъ людей съ неба свалились существа, обладающія всевозможными добродѣтелями. Допустимъ, что эти добродѣтельныя существа всѣ одинаково сильны, умны, дѣятельны и предположимъ еще, что они раздѣляютъ всѣ богатства на равныя части.

И что же, благодаря этому факту раздѣла, благодаря тому, что не оставили собственности нераздѣльной, а сохранили индивидуальную собственность, нужда, со всѣми сопровождающими ее бѣдствіями, снова появится въ этомъ обществѣ совершенныхъ существъ, несмотря на то, что изъ него были устранены всѣ причины, указываемыя моралистами.

Законы природы, продолжая дѣйствовать, вызовутъ перенаселеніе, такъ какъ число рожденій превышаетъ количество смертей. При настоящемъ положеніи вещей, когда нужда убиваетъ несмѣтное количество индивидовъ. какъ мы сейчасъ увидимъ, этотъ излишекъ рожденій надъ смертями равняется въ Европѣ 14—15 милліонамъ въ годъ.

Но такъ какъ мы предположили, что капиталъ также раздѣленъ между людьми одинаковой силы, ума и работоспособности, то ясно, что каждый изъ нихъ, благодаря своей работѣ, получилъ одинаковый приростъ на свой капиталъ. Но, въ виду индивидуальныхъ случайностей рожденія и смерти, одна часть лицъ должна будетъ тратить изъ этого прироста на поддержку подрастающаго поколѣнія больше, чѣмъ другая. Слѣдовательно, уже въ

началѣ второго года личный капиталъ однихъ будетъ меньше личнаго капитала другихъ.

Въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи этотъ процессъ очень быстро привелъ гипотетическихъ совершенныхъ людей къ знакомому намъ порядку вещей. Наименѣе обезпеченные, даже при наличности одинаковыхъ съ другими душевныхъ качествъ, изнемогаютъ въ борьбѣ за существованіе и падаютъ на дно общества, несмотря на всѣ свои добродѣтели; по признанію же вышеупомянутаго автора, все должно быть уравнено, для того, чтобы все пошло по-иному,—по-лучшему.

Неравенство въ распредѣленіи богатствъ и, слѣдовательно, нужда однихъ и излишества другихъ не зависятъ отъ добродѣтелей или пороковъ отдѣльныхъ лицъ, а всецѣло проистекаютъ изъ института частной собственности.

Признавъ этотъ фактъ, остановимся на послѣднихъ цыфрахъ, въ которыхъ контрастъ смертности высшихъ и низшихъ классовъ достигаетъ наименьшей величины. Изъ этихъ чиселъ мы узнаемъ, что въ теченіе 50 лѣтъ у бѣдныхъ умираетъ на 274 человѣка на тысячу болѣе чѣмъ у богатыхъ. Считая затѣмъ въ круглыхъ цыфрахъ населеніе равнымъ 40 милліонамъ, а число пролетаріевъ 30 милліонамъ т. е. 3 пролетарія на 4 человѣка населенія, мы почти не отклонимся отъ истины; если принять затѣмъ, что зависимость между рождаемостью и количествомъ населенія однородна во всѣхъ классахъ, хотя оффиціальная статистика показываетъ, что въ бѣдныхъ классахъ рождаемость несравненно выше, то мы увидимъ что на 850,000 ежегодныхъ рожденій, зарегистрованныхъ статистикой — 635,500 приходится на рабочій классъ. Отсюда путемъ простого вычисленія мы

получимъ, что 174,675 человѣкъ среднимъ числомъ, умираютъ ежегодно жертвами защищаемаго вами соціальнаго строя. Это значитъ 480 излишнихъ смертей ежедневно, какъ результатъ экономическихъ условій, вытекающихъ изъ современной организаціи обладанія собственностью. 480 человѣкъ въ день! *)

И вы намъ совѣтуете потерпѣть, вы намъ говорите о разумныхъ, постепенныхъ реформахъ, въ особенности предостерегая отъ поспѣшности въ дѣлѣ реформъ, какъ будто вы не подозрѣваете, что каждыя 3 просроченныя минуты, на которыя отодвигается день соціальнаго обновленія на основахъ справедливости и солидарности, стоятъ жизни одному человѣку.

*) Тѣ же разсчеты въ примѣненіи къ Россіи даютъ несравненно болѣе ужасающіе результаты. Какъ извѣстно, въ Россіи отъ дурныхъ порядковъ, отъ непосильныхъ налоговъ, отъ недостатка просвѣщенія, отъ дурного питанія и отъ тысячи другихъ золъ, единственнымъ источникомъ которыхъ является русское правительство — умираетъ 40 человѣкъ на тысячу вмѣсто 20 на тысячу, умирающихъ среднимъ числомъ въ годъ въ Западной Европѣ. (Въ голодные же годы какъ напримѣръ 1891 или 1906 г. въ голодающихъ губерніяхъ умираетъ отъ 80 до 100 на тысячу, что составляетъ на 20 голодающихъ губерній около 1,000,000 или 500,000 лишнихъ смертей въ годъ). Процентъ обезпеченныхъ людей въ Россіи такъ ничтоженъ, что ихъ не стоитъ принимать въ разсчетъ. Населеніе Россіи 150 милліоновъ, что составитъ 6,000,000 смертей ежегодно, изъ нихъ примѣняясь къ нормамъ западной Европы 3,000,000 лишнихъ, лежащихъ на совѣсти правительства, это составитъ 8,200 въ день или 342 мертвеца въ часъ, убитыхъ самодержавнымъ правительствомъ!

Наивные и умѣренные либералы ужасаются: «Ахъ, военно-полевые суды! Они убили за 4 мѣсяца 600 человѣкъ. Но они совершенно забываютъ, что незамѣтно и безшумно, безъ всякаго скандала и огласки, правительство убило за это время самымъ фактомъ своего существованія милліонъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ гражданъ и каждые излишніе 3 мѣсяца его зловреднаго существованія уносятъ новый и новый милліонъ. 30 милліоновъ за 10 лѣтъ; 300 за столѣтіе! О еслибъ хотя одинъ изъ тысячи этихъ безплодно и безсмысленно погибшихъ людей, умиралъ въ бою съ врагомъ, какъ погибли тѣ 600 казненныхъ—отъ самодержавія до нашихъ дней въ памяти народа осталась бы одна кровавая легенда.

Примѣчаніе переводч.

Если же какой-нибудь несчастный возмутится, наконецъ, этимъ чудовищнымъ строемъ, который давитъ его, вы называете его преступникомъ.

И вы же не позволяете намъ протестовать противъ такого наглаго извращенія ролей?!

Вы по произволу распоряжаетесь судьбой пролетаріевъ, принуждаете насъ входить въ постоянныя сдѣлки съ нашей совѣстью и изъ всѣхъ положительныхъ правъ даете лишь намъ одно—умереть съ голоду; вы обременяете насъ самыми разнообразными фантастичными обязанностями, и если мы, понявъ наконецъ, что вы не имѣете никакого права возлагать на насъ непосильное бремя, возмущаемся этимъ строемъ, который насъ мучаетъ, унижаетъ, который ежегодно убиваетъ сотни тысячъ нашихъ товарищей, который безпрестанно подвергаетъ опасности наше существованіе, то насъ же, порабощенныхъ, эксплуатированныхъ и угнетенныхъ, вы называете преступниками!

И осудили меня за то, что я доказывалъ обратное! А между тѣмъ точные, научно обоснованные факты подтверждаютъ мою правоту. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нѣтъ положительныхъ доказательствъ тому, что живыя существа отличаются отъ неодушевленныхъ предметовъ своей способностью противодѣйствовать вліяніямъ окружающей среды? Развѣ не достовѣрно, что обладаніе этой способностью является необходимымъ sine qua non условіемъ ихъ существованія? Развѣ не очевидно затѣмъ, что общественная организація, убивающая ежегодно столькихъ несчастныхъ, продолжаетъ все-таки существовать, благодаря активному содѣйствію или безмолвному согласію всѣхъ?

Слѣдовательно ясно, что всѣ тѣ, чья жизнь безпрестанно подвергается опасности со стороны вашего соціальнаго строя, имѣютъ право противодѣйствовать тѣмъ, которые, сознательно или безсознательно, поддерживаютъ этотъ строй. А если такъ, я ни въ чемъ не отклонился отъ правды въ статьѣ, вмѣняемой мнѣ въ преступленье!

Надо же, наконецъ, взглянуть истинѣ прямо въ глаза: нищета—это не только страданіе, но и смерть для тѣхъ, кто погрязъ въ ней. Или, можетъ быть, у васъ есть разумные доводы, при помощи которыхъ вы можете доказать, что 480 несчастныхъ, убиваемыхъ ежедневно вашимъ соціальнымъ строемъ, не имѣютъ такого же права жить, какъ и всѣ другіе?

Если же насъ убиваютъ при помощи физическихъ лишеній и нравственныхъ мукъ, просто изъ эгоизма или равнодушія, отчего же намъ не убивать всѣми другими способами убійцъ и ихъ сознательныхъ или безсознательныхъ сообщниковъ? Существующій строй, источникъ всѣхъ соціальныхъ золъ, не нами установленъ и не нами поддерживается.

И не тѣ ли, которые употребляютъ всѣ усилія для его поддержанія, первые покушаются на жизнь своихъ ближнихъ? А когда послѣдніе, возмутившись, пытаются во что бы то ни стало отстоять свои права на существованіе и воздаютъ око за око, не является ли это ихъ законнымъ правомъ самозащиты?

Вы бы, конечно, хотѣли, чтобъ 170000 человѣкъ, гибнущихъ ежедневно изъ-за вашего экономическаго устройства, безмолвно и покорно позволяли бы убивать себя. Вы считаете преступленьемъ даже, если ваши жертвы кричатъ: спасите! грабятъ! убиваютъ! А между тѣмъ не тѣ же ли крики раздаются со страницъ оффиціальныхъ

отчетовъ, гдѣ статистика нашихъ трудовъ ведется вашими же приспѣшниками? Сколько проклятій было обрушено на нашу голову за такъ называемую «пропаганду дѣйствіемъ»! А между тѣмъ въ этомъ случаѣ мы являемся только вашими учениками и послѣдователями. Въ самомъ дѣлѣ, правительства прошлаго старались посредствомъ казней и пытокъ несогласномыслящихъ внѣдрять и укрѣплять въ умахъ своихъ современниковъ нравственныя и правовыя идеи, благопріятствовавшія ихъ власти, и тѣми же способами стараетесь вы увѣковѣчить ихъ въ умахъ современнаго поколѣнія.

Ужель вы думаете, что намъ все это не ясно и мы не видимъ, что несмотря на всѣ ваши прекрасныя рѣчи о превосходствѣ человѣческой природы, вы поступаете такъ, какъ будто вы, вмѣстѣ съ нами, убѣждены, что человѣкъ не что иное, какъ животное, что его поступки и мысли опредѣляются роковымъ образомъ окружающей его средой.

Для того, чтобъ заставить рабовъ-пролетаріевъ приносить вамъ доходы, вы употребляете тѣ же пріемы, какъ и для дрессировки своихъ собакъ, чтобы научить ихъ подносить дичь. Вы ихъ то хлещете, то ласкаете, то морите голодомъ, то кидаете имъ кость или объѣдки съ вашего стола. Вы даете своимъ достойнымъ рабамъ медали или блестящіе мундиры, подобно тому, какъ надѣваете на своихъ псовъ ошейники съ лентами и побрякушками, и увѣрены, что тѣ и другіе настолько глупы, что каждую минуту готовы изъ-за вашего добра перегрызть горло другъ у друга.

У правительствъ всѣхъ странъ существуетъ какъ бы обширный заговоръ противъ разума и здраваго смысла. Представители власти совершенно не считаются съ по-

ложительными данными современной науки. Они платятъ жалованье попамъ за обученіе дѣтей народа тому, что міръ былъ созданъ въ 6 дней 6.000 лѣтъ тому назадъ, что китъ проглотилъ человѣка и, продержавъ въ желудкѣ три дня, выплюнулъ его невредимо, и другимъ подобнымъ абсурдамъ, противорѣчащимъ всѣмъ геологическимъ и анатомическимъ открытіямъ. Кромѣ того, систематически засоряютъ дѣтскіе умы нелѣпыми религіозными догматами, обрядами и правилами морали, противорѣчащими не только реальнымъ фактамъ, но и элементарному здравому разсудку. И все это продѣлывается вполнѣ сознательно, въ то время какъ въ университетахъ тѣхъ же странъ при преподаваніи наукъ давно уже перестали говорить о Богѣ, душѣ и подобныхъ метафизическихъ бредняхъ. «Физіологъ, говоритъ Литрэ, констатируетъ, что мозгъ думаетъ, такъ же какъ физикъ констатируетъ, что матерія имѣетъ вѣсъ, и, изъ боязни быть осмѣяннымъ, никто не рѣшается говорить о душѣ съ первымъ, какъ и не рѣшаются показать второму вмѣстѣ съ Шатобріаномъ Бога, опускающаго солнечный шаръ на западѣ и поднимающаго луну на востокѣ и въ то же время слушающаго молитвы своихъ созданій».

И все это продѣлывается подъ личиной заботы о народномъ образованіи, лицемѣрно надѣваемой на себя правителями. Только завѣса приподнимается и мы видимъ воочію истинную цѣнность этихъ заботъ. Такъ недавно еще? Лепелетье въ газетѣ «Парижское эхо» сокрушался по поводу обычая назначать дѣтямъ изъ народа, стипендіи при помощи которыхъ они могутъ продолжать свое ученіе Этотъ господинъ увѣрялъ, что подоныя стипендіи культивируютъ анархистовъ.

Дѣйствительно, онъ былъ правъ: образованые люди, не ослѣпленные корыстолюбіемъ, дѣлаются поневолѣ бунтовщиками. Всѣ сознательные правители думаютъ то же что высказалъ г-нъ Лепелетье.

Но они предпочитаютъ говорить объ этихъ вещахъ лишь съ тѣми, кто самъ заинтересованъ въ сокрытіи истины; для нихъ несомнѣнно, что наука-мать возмущенія. Они лишили бы, если бъ могли, дѣтей народа всякой возможности учиться мыслить и разсуждать, такъ какъ для ихъ благоденствія нужно только «рабочее мясо» и они чувствуютъ, что могутъ сохранить матеріальную власть надъ человѣчествомъ лишь въ томъ случаѣ, если они по-прежнему останутся единственными хозяевами въ области интеллектульной.

Напрасно біологія и физіологія показываютъ намъ, что все происходящее въ человѣкѣ подчинено великому принципу детерминизма, намъ все-таки постоянно твердятъ о свободѣ воли и отвѣтственности, какъ будто бы наши волевые акты не опредѣляются, такъ же какъ и всѣ другія явленія въ природѣ, совокупностью условій существованія. На какомъ основаніи говорятъ о свободѣ воли? Ни на какомъ! Утверждаютъ—вотъ и все! Развѣ законы природы, соціальныя и экономическія вліянія не стоятъ внѣ насъ? Развѣ ихъ существованіе не вліяетъ на поступки людей? Не слѣдуетъ ли отсюда съ очевидностью, что наши поступки опредѣляются по преимуществу условіями внѣшними, отъ насъ не зависящими? И однако эти факты рѣзко отрицаются, такъ какъ правители могутъ сохранить свою верховную власть, только обманывая другихъ.

Итакъ за то, что я воспользовался естественнымъ правомъ, присущимъ всѣмъ человѣческимъ существамъ—вы-

разить свои мысли—возражать противъ ложныхъ обвиненій, взводимыхъ на насъ, за то, что говорилъ правду—снова рѣшили, и на этотъ разъ навсегда, наложить на меня позорное клеймо галернаго каторжника. Вопреки справедливости, мои права, моя свобода, моя жизнь были въ опасности, агенты правительства устраивали на меня облаву, мнѣ невозможно было жить, и я былъ поставленъ въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: покориться и умереть отъ истощенія и болѣзней въ убійственномъ тропическомъ климатѣ, или бороться ударомъ на ударъ до послѣдняго издыханія, по праву законной самозащиты. Я уважалъ права каждаго человѣка, на слова отвѣчалъ словомъ печатнымъ и устнымъ и теперь имѣлъ полное право на дѣйствіе отвѣчать дѣйствіемъ. Уважая права другихъ, я могъ требовать уваженія и къ своимъ; предоставляя каждому свободу выражать свои мысли, я желалъ имѣть право и для себя; не причиняя вреда никому, я стремился заставить уважать и свою свободу и жизнь, этого требовала справедливость. Къ тому же я не говорилъ ничего, кромѣ правды, говорить же правду, даже тогда, когда она непріятна правительству, значитъ служить общему благу. Человѣчеству нечего опасаться избытка истинъ; невѣжество и вытекающія изъ него ложныя понятія—первоисточники всѣхъ его несчастій.

Если всѣ эти несчастія продолжаютъ удручать человѣчество, и порядокъ вещей, порождающій ихъ, продолжаетъ существовать, несмотря на то, что громадное большинство людей заинтересовано въ его уничтоженіи; если мы видимъ, что большинство лицъ, даже наиболѣе заинтересованныхъ въ соціальномъ обновленіи, употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы воспрепятствовать ему, то это про-

исходитъ отъ того, что они, ослѣпленные обманчивой внѣшностью, не даютъ себѣ отчета въ опустошеніяхъ, производимыхъ въ ихъ рядахъ этою смертоносною организаціей.

Она убиваетъ ихъ самихъ и похищаетъ ихъ дѣтей; эти люди не подозрѣваютъ своего права на жизнь, такъ какъ всѣ дурные пастыри внушали имъ, бѣднымъ овцамъ, что давать стричь себя—честно и угодно Богу, а противиться этому—преступно. Такъ вотъ мы хотимъ положить конецъ этому пагубному ослѣпленію, не позволяющему видѣть безконечную цѣпь несчастій, позора и смертей.

Въ особенности, мы хотимъ показать, что изъ-за болѣзни, скашивающей 480 пролетаріевъ въ день, глядятъ нужда, лишенія, переутомленіе, подготовляющія почву для всѣхъ болѣзней. Мы хотимъ показать имъ во всей красѣ экономическій строй, порождающій нужду и постоянную дѣятельность правительства и его агентовъ, поддерживающихъ этотъ строй и сказать обездоленнымъ: «вотъ настоящая причина вашихъ стремленій и преждевременной гибели вашихъ товарищей. Ваше естественное право—жить, противодѣйствовать этимъ причинамъ и уничтожать ихъ. Вы утверждаете, что имѣете право говорить дѣтямъ народа въ школахъ, которыя вы лицемѣрно называете безпартійными, что г-нъ Карно палъ жертвою секты преступниковъ, именуемыхъ анархистами. Мы же утверждаемъ, что имѣемъ право говорить имъ, что болѣе 170,000 пролетаріевъ умираютъ ежегодно во Франціи жертвами общественнаго строя, во главѣ котораго стоялъ Карно, который вы сами считаете смертоноснымъ, но который вы все-таки поддерживаете, потому что онъ даетъ вамъ привилегіи. Вы думаете, что имѣете право проповѣдывать подчиненіе

и воздержаніе жертвамъ общественнаго строя, тщательно скрывая отъ нихъ, на какіе точные факты вы опираетесь, утверждая, что именно вамъ они должны подчиняться; вы не объясняете имъ, почему они должны безропотно страдать и преждевременно умирать, чтобы продолжить ваше существованіе и сдѣлать его болѣе пріятнымъ. Поэтому-то мы и говоримъ: нѣтъ такого достовѣрнаго факта, опираясь на который можно было бы доказать, что именно бѣдные обязаны гибнуть; и что ничѣмъ нельзя доказать, что справедливѣе и нравственнѣе умереть одному, а не другому. Не давайте же уничтожать себя, защищайте ваши права, ваше достоинство, свободу и жизнь всѣми средствами. Всѣ они хороши, всѣ честны, и чѣмъ сильнѣе будутъ ваши удары, тѣмъ лучше! Мы имѣемъ право говорить такъ, потому что мы сами жертвы этого строя, и не желаемъ своимъ молчаніемъ санкціонировать его. Насъ обвиняютъ въ подстрекательствѣ къ убійству, потому что мы говоримъ несчастнымъ, чтобъ они не давали угнетать себя. Но кто жъ насъ обвиняетъ? Тѣ, кто изо дня въ день стараются разжечь ненависть одного народа къ другому, а въ предѣлахъ собственной страны раздуть племенную и религіозную борьбу, тѣ, кто мечтаетъ о безмѣрныхъ гекатомбахъ, во время которыхъ милліоны людей, вооруженныхъ усовершенствованными ружьями, убиваютъ другъ друга; и дѣлается все это потому, что правительство знаетъ, что загипнозитировавъ своихъ рабовъ пролетаріевъ идеей «реванша», оно отвлечетъ ихъ вниманіе отъ единственныхъ прирожденныхъ враговъ—господъ.

Въ вышеприведенныхъ цифрахъ мы видимъ, что въ рабочемъ классѣ въ первыя пять лѣтъ своего существованія умираетъ 286 дѣтей изъ тысячи; умираютъ вслѣд-

ствіе лищеній, которыя изо дня въ день доставляетъ имъ проклятый строй. И характерно, что именно тѣ люди, которые прилагаютъ всѣ усилія, чтобы продлить этотъ гнусный режимъ, губительный для столькихъ крошечныхъ ни въ чемъ неповинныхъ существъ---какая злая иронія—именно эти люди упрекаютъ насъ, будто бы мы не знаемъ цѣны человѣческой жизни и губимъ невинныя жертвы! Вы желали бы заглушить наши вопли возмущенія, вы хотѣли бы запретить намъ говорить отцамъ и матерямъ: «Развѣ вы не видите, что этотъ соціальный строй, какъ новый Молохъ пожираетъ вашихъ дѣтей? Подымайтесь же»!

Проливать слезы надъ невинными жертвами, погибшими при анархическихъ покушеніяхъ—это очень трогательно! Сколько красивыхъ словъ, сколько благороднаго негодованія расточили прокуроры всѣхъ странъ на эту тему!

Но вамъ слѣдовало бы вспоминать о невинно-погибшихъ жертвахъ гораздо чаще, а не тогда лишь, когда кто-нибудь изъ насъ, попавъ въ ваши руки, появляется на скамьѣ подсудимыхъ. При каждомъ ударѣ часовъ, ночью и днемъ, среди вашего безполезнаго труда и среди вашихъ безпутныхъ оргій, должны бы вы неустанно повторять себѣ: «Еще двадцать мнѣ подобныхъ умерло жертвами соціальнаго строя, и я не только ничего не сдѣлалъ для ихъ спасенья, но наоборотъ способствовалъ ихъ гибели, потому что дѣлалъ все, чтобы поддержать этотъ строй, убивающій ихъ; черезъ часъ будутъ на очереди двадцать другихъ, которые также погибнутъ жертвами низкаго, трусливаго тайнаго убійства, совершеннаго равнодушными и всѣми, какъ я, сознательными или бзсознательными ихъ сообщниками».

Если бы вы думали такъ, если бы въ вашей груди билось не холодное буржуазное сердце, способное смѣяться надъ страждующими и умирающими!. Если бы ваша совѣсть увела васъ изъ стана ликующихъ и положила между вами и тайными убійцами этихъ несчастныхъ непроходимую пропасть,—тогда, и только тогда имѣли бы вы право говорить о невинныхъ жертвахъ загубленныхъ нами!

Боюсь однако, что послѣ подобной метаморфозы вамъ не было бы мѣста въ этой залѣ, и во всякомъ случаѣ, если бы вы попали въ нее, то сидѣли бы не на раззолоченныхъ бархатныхъ креслахъ, а на голой скамьѣ, вотъ здѣсь, съ кандалами на рукахъ.

Пролетарій видитъ, какъ его дѣти блѣднѣютъ, худѣютъ и умираютъ, и если вы иногда, добиваясь его избирателььнаго голоса, и соблаговолите замѣтить, что положеніе вещей могло бы улучшиться, это не мѣшаетъ вамъ тѣмъ не менѣе сурово осуждать акты «безумнаго нетерпѣнія», какъ вы ихъ называете, вѣдь вамъ-то нечего торопиться, у васъ есть все, чего бы вы ни пожелали!

И дѣйствительно, какое вамъ дѣло, что задержка соціальной революціи на нѣсколько лѣтъ будетъ стоить жизни нѣсколькимъ милліонамъ маленькихъ и большихъ бѣдняковъ!..

Зато мы не перестанемъ повторять имъ: «не подавай своего избирательнаго голоса, бунтуй, не выбирай себѣ новыхъ господъ и повелителей, а постарайся свергнуть тѣхъ, которыхъ уже имѣешь, если ты хочешь быть свободнымъ и счастливымъ, если ты хочешь жить полной жизнью и сохранить жизнь своихъ дѣтей, бунтуй, потому что опытъ вѣковъ, записанный въ лѣтописяхъ чело-

вѣчества, свидѣтельствуетъ, что люди никогда и ничего не добивались безъ борьбы».

Соціальный прогрессъ, реформы, даже самыя призрачныя, вырываются только силой. Никогда не достигали ихъ послушные и покорные, но всегда бунтовщики, которые подъ ударами закона, въ темницахъ и у подножья эшафота гордо отвѣчали властителямъ человѣчества: «Non serviat».

Исторія учитъ насъ, что государственная власть всегда препятствовала прогрессу. Слѣдовательно, пока будетъ существовать хоть тѣнь власти, человѣчество, стѣсненное въ своей нормальной эволюціи, будетъ встрѣчать препятствія на своемъ пути къ свѣтлому будущему и будетъ принуждено время отъ времени уничтожать при помощи страшныхъ революцій преграды, воздвигаемыя ему баловнями момента, желающими, чтобы человѣчество вѣчно сохраняло одни и тѣ же учрежденія и преклонялось передъ одной и той же идеей. Вотъ почему, желая предотвратить безчисленныя революціи и междоусобицы, мы говоримъ людямъ: «не пытайтесь усовершенствовать правительственный механизмъ, не созывайте въ четвертый, пятый и десятый разъ зловредное учредительное собраніе, идите прямо къ цѣли, къ безграничной свободѣ, къ анархіи, потому что только тогда человѣчество сможетъ развиваться безъ рѣзкихъ толчковъ и неудержемо устремится къ безграничному совершенству.

Ж. Этьеванъ.